

Прп. Иоанн Дамаскин

Три защитительных слова против порицающих святыне иконы

Первое защитительное слово против порицающих святыне иконы.

Глава I

О том, что Божество непостижимо и что не должно с излишним любопытством доискиваться того, что не предано нам святыми пророками, апостолами и евангелистами.

БОГА никтоже виде николиже. Единородный Сын, сый в лоне Отчи, той исповеда (Ин. 1, 18). Итак, Божество неизреченно и непостижимо; ибо никтоже знает Отца, токмо Сын, ни Сына, токмо Отец (Мф. 11, 27). Также и Дух Святыи ведает Божие, подобно тому как дух человеческий знает то, что в человеке (1 Кор. 2, 11). Кроме же Самого первого и блаженного Существа, никто никогда не познал Бога, разве только тот, кому Он сам открыл, — никто не только из людей, но даже и из премирных Сил, из самих, говорю, Херувимов и Серафимов.

Однако Бог не оставил нас в совершенном неведении; ибо познание о том, что Бог есть, Он Сам насадил в природе каждого. И само создание мира, его сохранение и управление возвещают величие Божества (Прем. 13, 5). Сверх того, Бог, сперва чрез закон и пророков, потом через Единородного Сына Своего, Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа сообщил нам познание о Себе, какое мы можем вместить. Поэтому все, что предали нам закон и пророки, апостолы и евангелисты, мы принимаем, познаем и почитаем [1]; а выше того ничего не испытываем. Ибо если Бог благ, то Он и податель всякого блага, и непричастен ни зависти, ни другой какой страсти [2], ибо зависть не сродна естеству Божию как бесстрастному и единому благому. А поэтому Он как всеведущий и промышляющий о благе каждого то, что нам потребно знать, открыл нам, а чего не можем понести, о том умолчал. Этим мы и должны быть довольны, в этом пребывать и не преступать пределов вечных (Притч 22, 28) и предания Божия.

[1] Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих, 1 Migne, s. gr., t. III, coll 609–613.

[2] Григорий Богослов, слово 28. Migne, s. gr., t. XXXVI, col. 40. Перев. Моск. Дух. Академии, ч. III (1889), стр. 21.

Глава II

О том, что можно выражать словами и чего нельзя, что можно познавать и что превосходит познание.

Кто хочет говорить или слушать о Боге, тот должен знать, что не все, касательно Божества и Его Домостроительства, невыразимо, но и не все удобовыразимо, не все непознаваемо, но и не все познаваемо; ибо иное значит познаваемое, а иное — выражаемое словом, так как иное дело говорить, а другое — знать. Таким образом, многое из того, что мы неясно познаем о Боге, не может быть выражено во всем совершенстве; но как нам свойственно, так мы и бываем принуждены говорить о том, что выше нас, так, говоря о Боге, мы [приписываем Ему] сон, гнев, беспечность, руки, ноги, и тому подобное [1].

Что Бог безначален, бесконечен, вечен, присносущен, несоздан, неизменяем, непреложен, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неограничен, беспределен, неведом, непостижим, благ, праведен, всемогущ, вседержитель, всевидец, всепромыслитель, всевладыка и судья, — это мы и знаем, и исповедуем, равно как и то, что Бог есть един, т. е. одно Существо; что Он познается и есть в трех ипостасях (лицах), т. е. в Отце и Сыне и Святом Духе; что Отец, и Сын, и Дух Святой суть едино по всему, кроме нерождения, рождения и исхождения; что Единородный Сын, и Слово Божие, и Бог, по благоутробию Своему, ради нашего спасения, по благоволению Отца и содействием Святаго Духа, безсеменно зачавшись, нетленно родился от Святой Девы и Богородицы Марии через Духа Святаго и соделался из Нее совершенным Человеком; и что Он вместе есть и Бог совершенный, и Человек совершенный, из двух естеств, Божества и человечества, и (познается) из обоих естеств, одаренных умом и волею, деятельных и самовластных, кратко сказать, совершенных по определению и понятию каждого, т. е. Божества и человечества, но в одной сложной ипостаси. Что Он, сверх того, и алкал, и жаждал, и утруждался, и распялся, и действительно приял смерть и погребение, и воскрес тридневен, и возшел на небеса, откуда к нам приходил и опять придет, — об этом свидетельствует и Божественное Писание, и весь собор Святых.

Что же есть существо Божие, или как Он есть во всем, или каким образом Единородный Сын и Бог, уничивив Себя, соделался человеком из девственных кровей, т. е. иным сверхъестественным законом, или, как Он ходил по водам немокрыми ногами, — того мы не знаем и изречь не можем. Итак, мы не можем ни сказать чего-либо о Боге, ни даже подумать, кроме того, что самим Богом нам изречено, сказано или открыто в Божественных Писаниях Ветхого и Нового Завета [2].

[1] Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих, 1. Григорий Богослов, слово 31, Migne, s. gr., t. XXXVI, coll. 156–157. Перевод стр. 99–100.

[2] Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих, 1–2.

Глава III

Доказательство, что Бог есть.

Что Бог есть, в этом не сомневаются те, которые принимают Священное Писание, то есть Ветхий и Новый Завет, равно как и многие из эллинов; ибо, как мы уже сказали, знание, что Бог есть, нам от природы всеяно. Но злоба лукавого так возобладала естеством человеческим и некоторых повергла в такую ужасную и худшую всех зол бездну погибели, что стали говорить, будто нет Бога. Их безумие обличая, тайнозритель Давид сказал: рече безумен в сердце своем: несть Бог (Пс. 13, 1). Поэтому-то ученики и апостолы Господа нашего, умудренные Всесвятым Духом, и Его силою и благодатью производившие божественные знамения, сетью чудес своих извлекли таких людей из глубины неведения к свету Богопознания. Подобным образом и преемники их благодати и сана, пастыри и учителя, прияв просвещающую благодать Духа, и силою чудес, и словом благодати просвещали омраченных и обращали заблуждающихся. А мы, не получив ни дара чудес, ни дара учительства — ибо, пристрастившись к чувственным удовольствиям, оказались недостойными этого — призвав в помощь Отца и Сына и Святаго Духа, скажем теперь об этом предмете нечто хотя небольшое из того, что преподали нам пророки благодати [1].

Все существа или сотворены, или не сотворены. Если сотворены, то, без сомнения, и изменяемы; ибо чего бытие началось переменою, то необходимо и будет подлежать перемене, или истлевая, или изменяясь по произволу. Если же несотворены, то по самой последовательности умозаключения, конечно, и неизменяемы; ибо чего бытие противоположно, того и образ бытия противоположен, то есть его свойства. Кто же не согласится, что все существа, не только подлежащие нашему чувству, но и ангелы, изменяются, переиначиваются и многообразно преобразуются; так, напр., существа мысленные, то есть ангелы, души и духи, по воле своей больше или меньше преуспевая в добре и удаляясь от добра, а прочие существа, изменяясь и по своему рождению, и по исчезновению, и по увеличению и умалению, по изменению свойств и по движению местному? А что изменяется, то, конечно, и сотворено, а что сотворено, то, без сомнения, сотворено кем-нибудь. Творец же должен быть существо несотворенное: ибо если бы и он был сотворен, то, конечно, кем-нибудь, и так далее, пока не дойдем до чего-нибудь несотворенного. Поэтому Творец, будучи несотворен, без сомнения, есть и неизменяем: а кто же это другой, как не Бог?

И самый состав, сохранение и управление тварей показывают нам, что есть Бог, Который все это сотворил, содержит, сохраняет и обо всем промышляет. Ибо каким бы образом могли враждебные между собою стихии, как то: огонь, вода, воздух, земля, — соединиться для составления одного мира и пребывать в совершенной нераздельности, если бы некая всемогущая сила не соединила их и не сохранила их всегда нераздельными [2]?

Кто это расположил по известным местам все то, что на небе и что на земле, что в воздухе и что в воде, и что предшествует всему этому: небо и землю, воздух и природу, как огня, так и воды? Кто все это соединил и разделил? Кто сообщил им движение и стремление непрестанное и беспрепятственное? Не художник ли этого, положивший всем вещам закон, по которому все делается и все управляется? Кто же этот художник? Не тот ли, который все это сотворил и привел в бытие? Мы не можем приписать такой силы слепому случаю, ибо пусть это произошло от случая; но кто привел все в такой порядок? — уступим, если угодно, и это случаю, кто же соблюдает и сохраняет по тем же законам, по которым все прежде создано? — Кто-либо другой, конечно, а не слепой случай. Но кто это другой, как не Бог [3]?

[1] Григорий Богослов, слово 28.

[2] Афанасий Александрийский. Против язычников. Migne, s. gr., t. XXV, coll. 69–77. Перевод Моск. Дух. Акад., ч. III (1902), стр. 171–177.

[3] Григорий Богослов, слово 28. Migne, s. gr., t. XXXVI. coll. 45–47. Перев. ч. III, стр. 25–26. Афанасий Александрийский. О воплощении Слова. Migne, s. gr., t. XXV, coll. 97–100. Перев., ч. 1, стр. 193.

Глава IV

О том, что есть Бог? О том, что Божество невозможно постигнуть.

Итак, что Бог есть, это очевидно. Но что есть Он по сущности и естеству, — это совершенно непостижимо и неведомо. Что Он бестелесен, это ясно. Ибо как может быть телом то, что бесконечно и беспредельно, не имеет образа, не подлежит осязанию, невидимо, просто и несложно? Ибо как может быть неизменяемо то, что ограничено и подвержено страстям? И как может не подлежать страсти то, что составлено из стихий и на них опять разрешается? — Ибо соединение есть начало брани, брань — начало разделения, разделение — разложения: но разложение — совершенно чуждо Бога [1].

Как исполнится и то, что Бог проникает и наполняет все, как говорится в Писании: Еда небо и землю не Аз наполняю, рече Господь (Иер. 23, 24). Ибо невозможно, чтобы тело проходило сквозь тела, не разделяя их и само не разделяясь, не смешиваясь и не соединяясь с ними, подобно как жидкости вместе сливаются и растворяются [2].

Если же допустить, как некоторые говорят, тело нематериальное, подобное тому, которое у греческих мудрецов называется пятым телом, что, впрочем, невозможно, то оно, конечно, будет движимо, как и небо, ибо его-то и называют пятым телом. Но кто движет это тело? [Конечно, другое существо] — ибо все движимое приводится в движение от другого. Кем же движется и это другое? И так в бесконечность, пока не

встретим чего-либо недвижимого. Но перводвижущее есть недвижимое, каков и есть Бог. Если бы же Он был движим, то как не был бы ограничен местом? Поэтому один только Бог недвижим и своею неподвижностью движет все. Итак, должно необходимо признать, что Божество бестелесно [3].

Однако же это не определяет еще Его сущность, равно как ни нерождаемость, ни безначальность, ни неизменяемость ни нетленность, ни все то, что говорится о Боге или о Его бытии. Ибо все это показывает не то, что есть Бог, но то, что Он не есть. Кто же хочет выразить сущность какой-нибудь вещи, тот должен сказать, что она есть, а не то, что не есть. Впрочем, нельзя сказать о Боге, что Он есть по существу; но гораздо свойственнее говорить о Нем через отрицание всего. Ибо Он не есть что-либо из числа вещей существующих, не потому, чтобы вовсе не существовал, но потому, что превышает всего существующего, превышает даже самого бытия. Ибо если познание имеет предметом своим вещи существующие, то уже то, что выше познания, конечно, выше и бытия, и снова: то, что превышает бытие, то выше и познания [4].

Итак, Бог беспределен и непостижим, и одно в Нем постижимо — Его беспредельность и непостижимость. А то, что мы говорим о Боге утвердительно, показывает нам не естество Его, но то, что относится к естеству. Ибо назовем ли Бога благим, или праведным, или премудрым, или чем другим, выразим не естество Его, а только то, что относится к естеству. А иногда то, что утвердительно говорится о Боге, имеет силу преимущественного отрицания; так, например, говоря о Боге, мы употребляем слово мрак, разумея не мрак, а то, что не есть свет, но выше всякого света; или употребляем слово свет, разумея, что не есть мрак.

[1] Григорий Богослов, слово 28. Migne, s. gr., t. XXXVI, coll. 33. Перев., ч. III. стр. 17

[2] Там же. Migne, 36; перев., 18.

[3] Григорий Богослов, слово 28. Migne, 36. Перев. 18.

[4] Григорий Богослов, слово 28. Migne, 36–37. Перев. 19.

Глава V

Доказательство, что один есть Бог, а не многие.

Итак, достаточно доказано, что Бог есть, и что существо Его непостижимо. А что Бог один есть, а не многие, это несомненно для верующих Божественному Писанию. Ибо Господь в начале Своего законоположения говорит: Аз есмь Господь Бог твой, изведый тя от земли Египетския, да не будут тебе бози инии разве Мене (Исх. 20, 2); и снова: Слыши, Израилю: Господь Бог твой, Господь один есть (Втор. 6, 4); и у Исаии пророка:

Аз Бог первый и Аз по сих, кроме Мене несть Бог (Ис. 41, 4) — Прежде Мене не бысть ин Бог, и по Мне не будет... и несть разве Мене (Ис. 43, 10–11). И Господь в Святых Евангелиях так говорит к Отцу: Се есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога (Ин. 17, 3).

С теми же, которые не верят Божественному Писанию, мы так будем рассуждать: Бог есть совершен и не имеет недостатков и по благодати, и по премудрости, и по силе, — безначален, бесконечен, присносущен, неограничен, и, словом сказать, совершен по всему. Итак, если допустим многих богов, то необходимо будет признать различие между этими многими. Ибо если между ними нет никакого различия, то уже один, а не многие; если же между ними есть различие, то где совершенство? Если будет недоставать совершенства или по благодати, или по силе, или по премудрости, или по времени, или по месту, то уже не будет и Бог. Тожество же во всем указывает скорее единого Бога, а не многих.

Сверх того, если бы много было богов, то как бы сохранилась их неопиcуемость? Ибо где был бы один, там не был бы другой.

Каким же образом многими управлялся бы мир и не разрушился и не расстроился ли бы, когда между управляющими произошла бы война? Потому что различие вводит противоборство. Если же кто скажет, что каждый из них управляет своей частью, то что же ввело такой порядок и сделало между ними раздел? Этот-то собственно и был бы Бог. Итак, един есть Бог, совершенный, неопиcуемый, Творец всего, Содержитель и Правитель, превыше и прежде всякого совершенства [1].

К этому должно присоединить, что и по самой естественной необходимости единица есть начало двоицы [2].

[1] Григорий Богослов, слово 29. Migne, 76. Перев., 43.

[2] Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих. Migne, 820, 841.

Глава VI

О Слове и Сыне Божиим, доказательство из разума.

Итак, этот единый и единственный Бог не без Слова. Если же Он имеет Слово, то должен иметь Слово не безипостасное, начавшее быть и имеющее престать. Ибо не

было времени, когда Бог был без Слова. Напротив, Бог всегда имеет Слово Свое, Которое рождается от Него и Которое не таково, как наше слово — не ипостасное и в воздухе разливающееся, но есть ипостасное, живое, совершенное, не вне Его (Бога), но всегда в Нем пребывающее. Ибо где Ему быть вне Бога? Но так как естество наше временно и удобообразуемо; то и слово наше не ипостасно. Бог же как присносущный и совершенный и Слово будет иметь также совершенное и ипостасное, Которое всегда есть, живет и имеет все, что имеет Родитель. Наше слово, происходя из ума, не есть ни совершенно тождественно с умом, ни совершенно различно; ибо, будучи из ума, оно есть нечто иное в отношении к нему; но так как оно обнаруживает ум, то и не есть совершенно отличное от ума, но будучи по естеству — одно с ним, различается от него как особое подлежащее: так и Слово Божие, поскольку существует само по себе, различается от того, от кого имеет ипостась; поскольку же проявляет в себе то же самое, что есть в Боге; то по естеству есть одно с ним. Ибо как в Отце усматривается совершенство во всех отношениях, так видно то же и в рожденном от Него Слове [1].

[1] Григорий Нисский. Большое огласительное слово, глава 1. Перевод Моск. Дух. Акад., ч. IV, стр. 5–9.

Глава VII

О Духе Святом; доказательство из разума.

Для Слова должно быть и дыхание; ибо и наше слово не без дыхания. Но наше дыхание отлично от нашего существа: оно есть вдыхание и выдыхание воздуха, втягиваемого и выдыхаемого для существования тела. При произношении слова оно делается звуком, обнаруживающим собою силу слова. И в Божием естестве, простом и несложном, должно благочестно исповедывать бытие Духа Божия, потому что Слово Его не есть недостаточнее нашего слова; но было бы нечестием думать, что в Боге Дух есть нечто отвне привходящее, как это бывает в нас, существах сложных. Напротив, как слыша о Слове Божием, не признаем Его безипостасным или таким, которое приобретается учением, произносится голосом, разливается в воздухе и исчезает, но таким, которое ипостасно существует, имеет свободную волю, — деятельно и всесильно: так, узнав, что Дух Божий сопутствует Слову и проявляет Его действие, мы не почитаем Его дыханием неипостасным; ибо таким образом мы унизили бы до ничтожества величие Божественного естества, если бы о Духе, Который в Нем, имели такое же разумение, какое имеем о нашем духе; но почитаем Его силою, действительно существующею, созерцаемою в собственном ее и особенном личном бытии, исходящею от Отца, почивающею в Слове и Его проявляющею, которая поэтому не может отделяться ни от Бога, в Котором она есть, ни от Слова, которому сопутствует, и которая не так обнаруживается, чтобы исчезнуть, но, подобно Слову, существует лично, живет, имеет свободную волю, сама собою движется, деятельна, всегда хочет добра, во всяком изволении силою сопровождает хотение и не имеет ни начала, ни конца; ибо ни Отец никогда не был без Слова, ни Слово — без Духа.

Таким образом, единством естества совершенно опровергается многобожие эллинов, а принятием Слова и Духа отвергается учение иудеев; и от тех и других остается то, что полезно, то есть, из учения иудеев — единство естества, а из эллинизма — одно различие по ипостасям [1].

Если иудей станет противоречить принятию Слова и Духа, то должно обличить его и заградить ему уста Божественным Писанием. Ибо о Слове Божественный Давид говорит: Во век Господи Слово Твое пребывает на небеси (Пс. 118, 89), и в другом месте: Посла Слово Свое, и исцели я (Пс. 106, 20); — но слово, произносимое устами, не посылается и не пребывает во век. И о Духе тот же Давид говорит: Послеси Духа Твоего, и созиждутся (Пс. 103, 30); и в другом месте: Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их (Пс. 32, 6); также и Иов: Дух Божий сотворивый мя, дыхание же Вседержителево поучающее мя (Иов. 33, 4); — но Дух посылаемый, созидающий, утверждающий и сохраняющий не есть дыхание исчезающее, равно как и уста Божии не член телесный: но то и другое должно разуметь богоприлично [2].

[1] Григорий Богослов, слово 31, 38, 41. Migne, s. gr., t. XXXVI, coll. 137, 320, 441 etc. Перевод, ч. III, стр. 86. 198 и др. Григорий Нисский. Большое огласительное слово, 2–3. Перевод, ч. IV, стр. 9–12.

[2] Григорий Нисский, там же. Василий Великий. О Св. Духе к Амфилохию. Перевод Моск. Дух. Академии, ч. III (1891), стр. 245.

Глава VIII

О Святой Троице.

Итак, веруем во единого Бога, единое начало, безначального, несозданного, нерожденного, нетленного, равно и бессмертного, вечного, бесконечного, неопишемого, беспредельного, всемогущего, простого, несложного, бестелесного, чуждого истечения, бесстрастного, неизменяемого и непреневаемого, невидимого, — источника благодати и правды, свет умственный и неприступный, — в силу, никакою мерою неопределимую и только собственною волею измеряемую, — ибо все, что восхощет, может, — всех тварей видимых и невидимых создательницу, всеобъемлющую и сохраняющую, обо всем промысляющую, вседержительную, над всем начальствующую и царствующую царствием нескончаемым и бессмертным, не имеющую никакого соперника, все наполняющую, ничем не объемлемую, но всеобъемлющую, содержащую и все превышающую, которая проникает все сущности, сама оставаясь чистою, пребывает вне пределов всего и изъята из ряда всех существ как пресущественная и превыше всего сущая, пребожественную, преблагодную, преисполненную, которая устанавливает все начальства и чины, а сама выше всякого начальства и чина, выше сущности, жизни, слова и разума, которая есть сам свет, сама благодать, сама жизнь, сама сущность, так как не имеет от другого ни бытия, ни

чего-либо из того, что есть, но сама есть источник бытия для всего существующего, жизни — для всего живущего, разума — для всего разумного, причина всех благ для всех существ, — в силу, которая знает все прежде бытия всего, единую сущность, единое Божество, единую силу, единое хотение, единое действие, единое начало, единую власть, единое господство, единое царство, в трех совершенных ипостасях познаваемую и поклоняемую единым поклонением, веруемую и почитаемую от всякой словесной твари (в ипостасях), неслитно соединенных и нераздельно разделенных, что и непостижимо, — в Отца и Сына и Духа Святаго, во имя Которых мы и крестились, ибо так Господь заповедал крестить Апостолам, сказав: крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мф. 28, 19) [1].

(Веруем) во единого Отца, начало всего и причину, не от кого-либо рожденного, Который один только не имеет причины и не рожден, Творца всего, но Отца, по естеству, одного Единородного Сына Его, Господа же и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и в изводителя Всесвятого Духа. И во единого Сына Божия Единородного, Господа нашего, Иисуса Христа, рожденного от Отца прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого все произошло. Говоря о Нем: прежде всех веков, — мы показываем, что Его рождение — безвременно и безначально; ибо не из не сущего приведен в бытие Сын Божий, сияние славы и образ Ипостаси Отчей (Евр. 1, 3), живая премудрость и сила, Слово ипостасное, существенный, совершенный и живой образ невидимого Бога; но Он присно был с Отцем и в Отце, из Которого родился вечно и безначально. Ибо Отец никогда не существовал, когда не было бы Сына, но вместе Отец, вместе и Сын, от Него рожденный. Ибо Отец без Сына не назывался бы Отцем, если бы существовал когда-либо без Сына, то не был бы Отцем, и если после стал иметь Сына, то также после сделался Отцем, не будучи прежде Отцем, и подвергся бы изменению в том, что, не быв Отцем, стал Им, а такая мысль есть ужаснее всякого богохульства, ибо нельзя сказать о Боге, чтобы Он не имел естественной силы рождения, а сила рождения состоит в способности родить из себя, т. е. из собственной сущности, существо, подобное себе по естеству [2].

Итак, нечестиво было бы утверждать о рождении Сына, что оно произошло во времени и что бытие Сына началось после Отца. Ибо мы исповедуем рождение Сына от Отца, то есть из Его естества. И если мы не допустим, что Сын изначально существовал вместе с Отцем, от Которого Он рожден, то введем изменение ипостаси Отца в том, что Отец, не будучи Отцем, после сделался Отцем. Правда, тварь произошла после, но не из сущности Божия; а волею и силою Божиею приведена из небытия в бытие, и поэтому не произошло никакого изменения в естестве Божиим. Ибо рождение состоит в том, что из сущности рождающего производится рождаемое, подобное по сущности; творение же и создание состоит в том, что творимое и созидаемое происходит извне, а не из сущности творящего и созидающего, и есть совершенно неподобно по естеству [3].

Поэтому в Боге, Который один только бесстрастен, неизменяем, непреложен и всегда одинаков, бесстрастно как рождение, так и творение. Ибо, — будучи по естеству бесстрастен и чужд истечения, потому что прост и несложен, — Он не может подлежать ни страданию, ни истечению ни в рождении, ни в творении, и не имеет нужды ни в чьем

содействии. Но рождение (в Нем) безначально и вечно, так как оно есть действие Его естества и происходит из Его существа, иначе рождающий потерпел бы изменение, и был бы Бог первый и Бог последующий, и произошло бы приумножение. Творение же у Бога, как действие хотения, не совечно Богу. Ибо приводимое из небытия в бытие не может быть совечно Безначальному и всегда Сущему. Бог и человек творят неодинаково. Человек ничего не приводит из не сущего в бытие, но, что делает, делает из прежде существовавшей материи, не только пожелав, но и прежде обдумав и представив в уме то, что хочет сделать, потом уже действует руками, принимает труды, утомление, а часто не достигает цели, когда усердное делание не выходит так, как хочется; Бог же, только восхотев, вывел все из не сущего в бытие: равным образом не одинаково и рождает Бог и человек. Бог, будучи безлетным и безначальным, и бесстрастным, и свободным от истечения, и бестелесным, и единым только, и бесконечным и рождает безлетно и безначально, и бесстрастно, и без истечения, и вне сочетания, и непостижимое Его рождение не имеет ни начала, ни конца. Безначально рождает Он, потому что неизменяем; — без истечения потому, что бесстрастен и бестелесен; — вне сочетания потому, что опять и бестелесен, и есть один только Бог, не имеющий нужды в ком-либо другом; — бесконечно же и непрестанно потому, что и безлетен, и безвременен, и бесконечен, и всегда одинаков, ибо, что безначально, то бесконечно, а что бесконечно по благодати, то отнюдь не безначально, как, напр., Ангелы [4].

Итак, присносущный Бог рождает Слово Свое совершенное безначально и нескончаемо, чтобы не рождал во времени Бог, имеющий высшие времени и естество, и бытие. Человек же, как очевидно, рождает противным образом, потому что подлжит рождению, и истлению, и истечению, и размножению, и облечен телом, и в естестве человеческом заключается пол мужской и женский, и муж имеет нужду в пособии жены. Но да будет милостив Тот, Который выше всего и Который превосходит всякую мысль и разумение [5].

Итак, святая Кафолическая и Апостольская Церковь учит вместе и об Отце, и о Единородном Его Сыне, из Него рожденном безлетно, без истечения, бесстрастно и непостижимо так, как ведает это один только Бог всяческих. Как вместе существуют и огонь, и свет, из него происходящий, — не прежде огонь, а потом уже свет, но вместе — и как свет, всегда рождающийся из огня, всегда есть в огне и никогда от него не отделяется, — так и Сын рождается из Отца, никак не отделяясь от Него, но всегда пребывая в Нем. Но свет, неотделимо рождающийся от огня и всегда в нем пребывающий, не имеет собственной, по сравнению с огнем, ипостаси, ибо он есть природное свойство огня; Сын же Божий Единородный, из Отца рожденный нераздельно и неразлучно и в Нем всегда пребывающий, имеет Свою собственную ипостась, сравнительно с ипостасью Отца [6].

Итак, Сын называется Словом и сиянием, потому что рожден от Отца без всякого сочетания и бесстрастно, и безлетно, и без истечения, и неразлучно; (называется) же Сынотом и образом Отчей ипостаси потому, что Он совершен, ипостасен и во всем подобен Отцу, кроме нерожденности (*αγεννησία*); (называется) Единородным потому, что Он один только от одного Отца рожден единственным образом, ибо никакое другое

рождение не подобно рождению Сына Божия, и нет другого Сына Божия. Дух Святой, хотя исходит от Отца, но не по образу рождения, а по образу исхождения. Здесь другой образ бытия, также непостижимый и неведомый, как и рождение Сына (Божия). Поэтому все, что имеет Отец, имеет и Сын, кроме нерожденности, которая означает не различие в сущности или в достоинстве, а образ бытия — подобно тому как Адам, который не рожден, ибо он — творение Божие, и Сиф, который рожден, ибо он — сын Адамов, и Ева, которая вышла из ребра Адамова, ибо она не была рождена, различаются друг от друга не по природе, ибо они — люди, но образом бытия [7].

Должно знать, что слово $\alpha\upsilon\epsilon\nu\eta\tau\omicron\nu$, когда пишется через одно ν , означает нечто несотворенное, т. е. не происшедшее; когда же чрез два $\nu\nu$ ($\alpha\upsilon\epsilon\nu\nu\eta\tau\omicron\nu$), то означает нерожденное ($\mu\eta\ \gamma\epsilon\nu\nu\eta\theta\epsilon\nu$). И по первому значению слова сущность от сущности различается: ибо иное есть сущность несотворенная, означаемая словом с одним ν , и иное, — сущность произведенная ($\gamma\epsilon\nu\eta\tau\eta$) или сотворенная. По второму же значению сущность от сущности не различается. Ибо первая ипостась всякого вида животных не рождена ($\alpha\upsilon\epsilon\nu\nu\eta\tau\omicron\varsigma$), а не несотворена ($\omicron\nu\kappa\ \alpha\upsilon\epsilon\nu\eta\tau\omicron\varsigma$); ибо все они сотворены Создателем и приведены в бытие Словом; но не родились, ибо прежде не существовало другого однородного существа, из которого они могли бы родиться.

Итак, что касается первого значения, то слово $\alpha\upsilon\epsilon\nu\eta\tau\omicron\varsigma$ приличествует трем пребожественным ипостасям Святого Божества, ибо они единосущны и несозданны; второе же значение $\alpha\upsilon\epsilon\nu\nu\eta\tau\omicron\varsigma$ — никак. Ибо один только Отец нерожден, потому что Он имеет бытие не из другой какой-либо ипостаси; и один только Сын рожден, потому что из сущности Отца родился безначально и безлетно; и один только Дух Святой исходящ, потому что из сущности Отца не рождается, но исходит. Так учит Божественное Писание, хотя образ рождения и исхождения пребывает для нас непостижимым [8].

Должно знать и то, что наименования отечества, сыновства и исхождения не от нас перенесены на блаженное Божество, но, напротив, нам переданы оттуда, как говорит божественный Апостол: сего ради преклоняю колена моя ко Отцу, из Него же всяко отечество на небесех и на земли (Еф. 3, 14–15) [9].

Если же говорим, что Отец есть начало Сына и больше Его (Ин. 14, 28), то этим не показываем, что Он первенствует пред Сыном по времени или по естеству; ибо чрез Него Отец веки сотвори (Евр. 1, 2). Не первенствует и в каком-либо другом отношении, если не в отношении причины; то есть потому, что Сын родился из Отца, а не Отец из Сына, что Отец есть виновник Сына по естеству, подобно тому, как не говорим, что огонь происходит из света, но, напротив, свет от огня. Итак, когда услышим, что Отец есть начало и больше Сына, то должны разуметь Отца как причину. И как не говорим, что огонь — одной сущности, а свет — другой, так нельзя говорить, что Отец — одной сущности, а Сын — иной, но (оба) — одной и той же. И как говорим, что огонь сияет чрез выходящий из него свет, и не полагаем, что свет, происходящий из огня, есть служебный его орган, а, напротив, есть естественная его сила; так говорим и об Отце, что все, что делает Отец, делает чрез Единородного Сына Своего не как чрез служебное

орудие, но как чрез естественную и ипостасную Силу; и как говорим, что огонь освещает и опять говорим, что свет огня освещает, так все, что творит Отец, и Сын также творит (Ин. 5, 19). Но свет не имеет особенной от огня ипостаси; Сын же есть совершенная ипостась, неотлучная от Отчей ипостаси, как это мы выше показали. Невозможно, чтобы среди тварей был найден образ, во всем сходно показывающий в себе самом свойства Святой Троицы. Ибо сотворенное и сложное, скоротечное и изменчивое, описуемое и имеющее образ и тленное — как в точности объяснит чуждую всего этого пресущественную Божественную сущность? А известно, что всякая тварь подчинена большей части таких свойств и по самому естеству подлежит истлению [10].

Подобным образом веруем и во единого Духа Святаго, Господа животворящего, из Отца исходящего и в Сыне почивающего, Отцу и Сыну спокланяема и сславима, как и единосущного и совечного; в Духа от Бога, Духа правого, владычествующего, источника премудрости, жизни и освящения; в Бога, со Отцем и Сыном сущего и называемого, несозданного, Полноту, Творца, Вседержителя, всесовершающего, всеильного, бесконечно могущественного, обладающего всякой тварью и не подчиненного господству, в Духа боготворящего, и небоготворимого; наполняющего, не наполняемого; сообщающего, но ничего не заимствующего; освящающего и не освящаемого, Утешителя, как принимающего моления всех; во всем подобного Отцу и Сыну; от Отца исходящего, чрез Сына подаваемого и воспринимаемого всею тварью; чрез Себя Самого творящего и осуществляющего все без изъятия, освящающего и сохраняющего; ипостасного, существующего в Своей собственной ипостаси, неотлучного и неотделимого от Отца и Сына; имеющего все, что имеет Отец и Сын, кроме нерожденности и рожденности; ибо Отец безвиновен и нерожден, потому что не есть от кого-либо, но Сам от Себя имеет бытие и из того, что имеет, ничего не имеет от другого; напротив, Он Сам есть для всего начало и причина того образа, как оно существует от природы. Сын же от Отца — по образу рождения; Дух же Святыи, хоть также от Отца, но не по образу рождения, а по образу исхождения. Что, конечно, различие между рождением и исхождением есть, это мы узнали; но какой образ различия, этого никак не постигаем. [Знаем только, что] и рождение Сына, и исхождение Святаго Духа происходят одновременно [11].

Итак, все, что имеет Сын, и Дух имеет от Отца, даже самое бытие. И если что не — Отец, то не есть ни Сын, ни Дух; и если бы чего не имел Отец, того не имеет Сын и Дух; но чрез Отца, то есть потому, что существует Отец, существует Сын и Дух, и чрез Отца имеет Сын, также и Дух, все, что имеет, потому, то есть, что Отец имеет все это, — кроме нерождаемости и рождения, и исхождения. Ибо одними только ипостасными свойствами и различаются между собою три святые ипостаси, нераздельно различаемые не по сущности, а по отличительному свойству каждой ипостаси [12].

Говорим же, что каждое из этих трех лиц имеет совершенную ипостась, для того, чтобы нам не принять совершенной природы за одну, сложенную из трех несовершенных, но за единую простую сущность в трех совершенных ипостасях, которая выше и впереди совершенства. Ибо все составляемое из несовершенного необходимо есть сложно, но из совершенных ипостасей не может произойти сложение; почему мы и не говорим, что вид из ипостасей, но — в ипостасях. Из несовершенного сказали, т. е., из того, что не

представляет собою целого вида той вещи, которая из него составляется, — так камень, дерево и железо — сами в себе совершенны по своей природе, но в отношении к дому, который из них строится, каждое несовершенно, потому что каждое, отдельно взятое, не есть дом [13].

Итак, мы называем ипостаси (Св. Троицы) совершенными, чтобы не ввести сложности в Божеское естество, ибо сложение — начало раздора. И опять говорим, что три ипостаси находятся одна в другой взаимно, чтобы не ввести множества и толпы богов. Исповедуя три ипостаси, признаем несложность и неслитность (в Божестве); а исповедуя, что эти ипостаси единосущны одна другой, и признавая в них тождество воли, действия, силы, власти и, если можно сказать, движения, мы признаем их нераздельность и то, что Бог есть един; ибо Бог, Слово и Дух Его истинно один Бог [14].

О различии трех ипостасей; и о деле, и уме, и мысли. Надобно знать, что иное есть рассматривать предмет на самом деле, и иное — умом и мыслию. Так, мы на самом деле видим различие неделимых во всех тварях: на самом деле Петр представляется отличным от Павла. Но общность, связь и единство созерцаются умом и мыслью; так мы умом постигаем, что Петр и Павел одной и той же природы, имеют одно общее естество. Ибо каждый из них — животное разумное, смертное; и каждый есть плоть, одушевленная душою, как разумной, так и одаренной рассудительностью. Итак, эта общая природа постигается умом; ибо ипостаси не существуют одна в другой, но каждая особо и порознь, т. е. сама по себе, и каждая имеет много такого, чем одна от другой отличается. Ибо они и местом отделяются, и временем различаются, и отличаются умом, силой, видом или образом, нравом, темпераментом, достоинством, поведением и всеми характеристическими свойствами; более же всего тем, что существуют не одна в другой, но отдельно; поэтому и говорится: два, три человека и многие [15].

Это же можно видеть и во всей твари; но в Святой и пресущественной, и высшей всего, и непостижимой Троице иное; ибо здесь общность и единство усматриваются, на самом деле, по причине совечности лиц и тождества их сущности, действия и воли, по причине согласия познавательной способности и тождества власти и силы, и благодати — я не сказал: подобия, но тождества — также единства происхождения движения, потому что одна сущность, одна благодать, одна сила, одно хотение, одно действие, одна власть; одно и то же, не три, подобные одно другому, но одно и то же движение трех ипостасей; ибо каждая из них едина есть с другой, не менее как с самой собою; ибо Отец и Сын и Святой Дух во всем едино, кроме нерожденности, рождения и исхождения, мыслью же разделенное, ибо мы знаем единого Бога, но замечаем мыслью различие только по свойствам, т. е. отчеству, сыновству и исхождению, как различаем причину, зависящее от причины и совершенство ипостаси, или образ бытия. Ибо в отношении к неопишуемому Божеству мы не можем говорить ни о местном расстоянии, как в отношении к нам, потому что ипостаси находятся одна в другой, не сливаясь, впрочем, но соединяясь, по слову Господа, сказавшего: Аз во Отце и Отец во Мне (Ин. 14, 11), — ни о различии хотения, или мысли, или действия, или силы, или чего другого, что производит в нас действительное и совершенное разделение. Поэтому об Отце, Сыне и Святом Духе говорим не как о трех Богах, но, вернее, как об едином Боге,

Святой Троице, так как Сын и Дух возводятся к одному Виновнику, но не слагаются и не сливаются, как сливал Савелий; ибо Они соединяются, как мы говорили, не сливаясь, но совокупно друг с другом пребывая и друг друга проникая без всякого смешения и слияния, и так, что не существуют один вне другого или не разделяются в сущности, согласно Ариеву разделению; ибо, чтобы сказать кратко, Божество нераздельно в разделенном, подобно тому, как в трех солнцах тесно друг к другу примыкающих и никаким расстоянием не разделяемых, одно и смешение света, и слияние [16].

Поэтому, когда смотрим на Божество, на первую причину, на единоедержавие, на единство и тождество Божества и, так сказать, на движение и хотение, на тождество сущности, силы, действия и господства, — тогда воображаем себе одно. Когда же смотрим на то, в чем есть Божество, или, чтобы сказать точнее, что есть Божество, и на то, что оттуда — из первой причины существует вечно, равнославно и нераздельно, то есть на ипостаси Сына и Духа, — то будет три, Коим поклоняемся. Один Отец — Отец и безначальный, т. е. безвиновный; ибо Он — не от кого-либо. Один Сын — Сын, но не безначальный, т. е. не безвиновный; ибо Он — от Отца; если же взять начало во времени, то и безначальный; ибо Он — Творец времен и не подчинен времени. Один Дух — Святой Дух, происходящий из Отца, но не по образу сыновнему, а по образу исхождения. Так ни Отец не утратил нерождения чрез то, что родил, ни Сын — рождения чрез то, что родился из нерожденного — ибо как иначе? — ни Дух не преложился ни в Отца, ни в Сына чрез то, что Он произошел и потому, что Он Бог. Ибо свойство неизменяемо; иначе как бы оно оставалось свойством, если бы изменялось и предлагалось? — Если Отец есть Сын, то уже не Отец в собственном смысле; ибо в собственном смысле только один Отец; и если Сын есть Отец, то Он не есть в собственном смысле Сын; ибо один в собственном смысле Сын; один и Дух Святой [17].

Должно же знать, что мы не говорим, что Отец происходит от кого-либо, но Самого называем Отцем Сына. Не говорим, что Сын — причина, не говорим и того, что Он Отец, но говорим, что Он и от Отца, и Сын Отца. И о Святом Духе говорим, что Он от Отца и называем Его Духом Отца, но не говорим, что Дух и от Сына, а называем Его Духом Сына, как говорит божественный Апостол: аще кто Духа Христова не имать, сей несть Его (Рим. 8, 9), и исповедуем, что Он и открылся нам, и преподается нам чрез Сына; ибо сказано: дуну и глагола им (ученикам Своим): примите Дух Свят (Ин. 20, 22); подобно тому, как луч и сияние (происходят) от солнца, ибо оно есть источник и луча и сияния; но сияние чрез луч нам сообщается, и оно освещает нас и приемлетя нами. О Сыне же не говорим ни того, что Он — Сын Духа, ни того, что Он — от Духа [18].

[1] Григорий Богослов, слово 22, 42, 6, 31 и 40.

[2] Григорий Богослов, слово. 29, 30. Кирилл Александрийский.. Сокровище.. 4–5.

[3] Григорий Богослов, слово 20.

[4] Григорий Богослов, слово 20, 29. Кирилл Ал.. Сокровище, 5, 6, 7, 16, 18.

- [5] Григорий Богослов, послание к Евагрию.
- [6] Григорий Нисский, Против Евномия, кн. 1-ая. Перевод Моск. Дух. Академии, ч. V (1863), стр. 136–150. Кирилл Ал.. Сокровище, 5.
- [7] Григорий Богослов, слово 25, 29, 30, 31, 39. Афанасий Александр., Изложение веры. Migne, s. gr., t. XXV, coll. 200–208. Перев. Моск. Дух. Акад., ч. 1 (1902), стр. 264–267.
- [8] Кирилл Ал., Сокровище, 1. Григорий Богослов, слово 29.
- [9] Кирилл Ал., Сокровище, 32. Дионисий Ареоп., Об именах Божиих, 1.
- [10] Григорий Богослов, слово 22, 37 и 31.
- [11] Григорий Богослов, слово 31, 20.
- [12] Григорий Богослов, слово 25 и послание к Евагрию.
- [13] Григорий Богослов, слово 23, 20.
- [14] Григорий Богослов, слово 20, 28, 40.
- [15] Григорий Богослов, слово 31.
- [16] Григорий Богослов, слово 20, 31, 39 и 40. Василий Великий, письмо 38. Дионисий Ар., Об именах Божиих, 2.
- [17] Григорий Богослов, слово, 20, 31, 39.
- [18] Григорий Богослов, слово 31.

Глава IX

О том, что приписывается Богу.

Божество просто и несложно. Но то, что слагается из многого и различного, то сложно. Итак, если и несозданность, и безначальность, и бессмертность, и вечность, и благодать, и творческую силу, и подобное мы назовем существенными свойствами Божиими, то существо, сложенное из таких свойств, не будет просто, но — сложно, что (говорить о Божестве) крайняя нелепость. Итак, о всяком свойстве, приписываемом Богу, должно так думать, что оно не означает чего-либо существенного, но показывает или то, что Он не есть, или какое-либо отношение Его к тому, что от Него отлично, или что-либо сопровождающее Его природу, или — Его действие.

Из всех имен, усвояемых Богу, кажется, самое высшее есть: Сый (ο ου), как и Сам Он, отвечая Моисею на горе, говорит: рцы сыном Израилевым, Сый посла мя (Исх. 3, 14).

Ибо Он в самом Себе заключает все бытие, как бы некое море сущности (ουσίας) — неограниченное и беспредельное. Святой же Дионисий говорит, что [первоначальное имя Бога есть] ο αγαθος — благий, потому что ο Боге нельзя сказать, что в Нем прежде бытие, а потом благодать.

Второе же имя есть Θεος (Бог). Оно происходит или от θεειν бежать, потому что Бог все обтекает, или от αθεειν жечь, потому что Бог есть огонь, посядающий всякое зло, или от θεασθαι видеть, потому что от Бога ничто не скрыто, и Он все видит. Ибо Он созерцал все вещи прежде бытия их, от вечности представляя в уме Своем; и каждая вещь получает бытие свое в предопределенное время, согласно с Его вечной, соединенной с хотением мыслью, которая есть предопределение, и образ, и план [1].

Итак, первое из этих имен показывает, что Бог есть (το ειναι) а не то, что Он есть (το τι ειναι); второе же указывает на Его действие (ενεργειαν); а имена: безначальный, нетленный, нерожденный, несотворенный, бестелесный, невидимый и подобные показывают, что Он не есть (τι ουκ εστι), то есть, что Он не имеет начала бытию своему, не подлежит тлению, не сотворен, не есть тело, невидим. Благодать, праведность, святость и подобные сопутствуют природе, а не выражают самого существа Его. Имена: Господь, Царь и подобные означают отношение к тому, что отлично от Бога; Господом называется Он того, над чем господствует, Царем — над чем царствует, Создателем — что Он создал, и Пастырем — что Он пасет [2].

[1] Григорий Богослов, слово 30. Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих. 2–4

[2] Дионисий Ареопагит, Об именах Божиих, 5.

Глава X

О Божественном соединении и разделении.

Итак, все это должно быть принимаемо в отношении ко всему Божеству и одинаковым образом, и просто, и нераздельно, и совокупно; имена же: Отец, и Сын, и Дух, безвиновный и имеющий причину, нерожденный, рожденный, исходящий, — должно употреблять раздельно; такие имена выражают не существо, но взаимное отношение и образ бытия Ипостасей Святой Троицы. Итак, зная это и как бы рукою, восходя, ведомые к Божескому существу, мы постигаем не самое существо, но познаем только то, что относится к существу, равно как, зная, что душа бестелесна и не имеет ни количества, ни образа, мы однако же не постигаем еще ее существа; или зная, что тело бело или черно, мы еще не знаем его существа, но познаем только то, что относится к его сущности. Истинное же слово учит, что Божество просто и имеет одно простое, благое действие, действуя все во всем, подобно лучу, который все согревает и на каждую вещь действует сообразно естественной ее способности и восприимлемости, сам получивши таковую силу от Создателя своего, Бога.

Но отдельно есть то, что относится к божественному и человеколюбивому воплощению божественного Слова. Ибо в этом деле ни Отец, ни Дух не имели никакого участия, кроме благоволения и кроме того неизреченного чудотворения, которое производил Бог Слово, сделавшись подобным нам человеком, как неизменный Бог и Сын Божий [1].

[1] Григорий Богослов, слово 34, 31 и послание к Евагрию. Дионисий Ареопагит, Об именах Божиих, 2.

Глава XI

О том, что говорится о Боге телесным образом.

Так как мы находим, что в божественном Писании весьма многое символически сказано о Боге телесным образом, — то должно знать, что нам, людям и облеченным грубою плотию невозможно иначе разуметь или говорить о божественных высоких и невещественных действиях Божества, как только посредством образов, типов и символов, нам сообразных. Поэтому то, что сказано о Боге очень телесным образом, сказано символически и содержит очень высокий смысл, так как Божество просто и не имеет формы [1].

Итак, под очами Божиими, веждями и зрением должно разуметь Его всеозерцающую силу и неизбежное (ни для какой твари) Его ведение, так как и мы чрез это чувство приобретаем себе совершеннейшее познание и убеждение. Под ушами и слухом — Его благоволение и принятие нашего моления; так как и мы, когда нас просят, милостивее склоняя ухо к просящим, чрез это чувство проявляем к ним нашу благосклонность. Под устами и речью — выражение Его воли, так как и мы устами и речью обнаруживаем сердечные помыслы. Под пищею и питием — наше стремление к Его воле, так как и мы чрез чувство вкуса удовлетворяем необходимой потребности нашей природы. Под обонянием — то, что показывает направленную к Нему нашу мысль, так как и мы посредством обоняния ощущаем благовоние. Под лицом — Его откровение и обнаружение Себя посредством действий, так как и наше лицо служит нашим выражением. Под руками — деятельную Его силу, так как и мы посредством рук совершаем полезные, особенно же благороднейшие наши действия. Под десницею — Его помощь в справедливых случаях, так как и мы, при совершении дел более важных, благородных и большей силы требующих, действуем правою рукою. Под осязанием — Его точнейшее познание и разумение вещей малейших и сокровенных, так как и для нас осязаемые нами вещи не могут иметь ничего в себе сокровенного. Под ногами и хождением — Его пришествие и присутствие или для вспомоществования нуждающимся, или для отмщения врагам, или для другого какого-либо действия, так как и мы посредством ног приходим куда-либо. Под клятвою — непреложность Его решения, так как и мы взаимные договоры свои утверждаем клятвою. Под гневом и яростью — Его ненависть и отвращение к злу, так как и мы то, что не согласно с нашей

мыслью, ненавидим и на то гневаемся. Под забвением, сном и дреманием — отложение отмщения врагам и замедление обыкновенной помощи Своим друзьям. Кратко сказать, все, что говорится о Боге телесным образом, содержит в себе некий сокровенный смысл, научающий нас чрез то, что для нас обыкновенно, тому, что выше нас, исключая только то, что говорится о телесном пришествии Бога Слова, ибо Он ради нашего спасения воспринял всего человека, т. е. душу разумную и тело, свойства человеческой природы и естественные, непорочные страсти [2].

[1] Дионисий Ареопагит, Об именах Божиих, 1; О небесной иерархии, 15, Григорий Богослов, слово 31.

[2] Григорий Богослов, слово 31. 21

Глава XII

О том же.

Итак, этому научают нас священные изречения, как говорил божественный Дионисий Ареопагит: что Бог — причина и начало всяческих, сущность всего существующего, жизнь — живущего, разум — разумного, ум — умного, возвращение и восстановление отпавшего от Него, обновление и преображение растленного по существу, священная твердыня для колеблемых каким-либо нечестивым сомнением, безопасность для стоящих, путь и надежное руководство для идущих к Нему. Прибавлю: Он есть Отец всего Им сотворенного; ибо Бог, приведший нас из небытия в бытие, есть Отец наш преимущественнее наших родителей, которые сами получили от Него и бытие, и способность рождать. Он есть Пастырь для тех, которые Ему последуют и Им пасутся; осияние для тех, которые посвящаются в таинства; богоначалие для тех, которые обожаются; мир для имеющих вражду; простота для любящих простоту; единство для стремящихся к единству; пресущественное и преначальное Начало для всякого начала; и благое сообщение сокровенного, т. е. познания о Себе, всякому по достоинству и восприемлемости каждого [1].

Еще о божественных именах подробнее.

Божество, будучи непостижимым, конечно, будет и безымянно. Не зная существа Его, не будем искать и имени Его существа. Ибо имена должны выражать свой предмет. Бог же, хотя благ, и для того, чтобы мы были участниками Его благодати, призвал нас из небытия в бытие и сотворил нас способными к познанию, тем не менее не сообщил нам ни Своего существа, ни познания Его существа. Ибо невозможно, чтобы (низшая) природа совершенно познала лежащую выше ее природу. Притом, если знания относятся к тому, что существует, то как может быть познано пресущественное? Поэтому Бог, по неизреченной благодати Своей, благоволил называться сообразно с тем,

что свойственно нам, для того чтобы нам не остаться вовсе без познания о Нем, но иметь о Нем хотя бы темное представление. Итак, поскольку Бог — непостижим, Он и безымянен; как Виновник же всего и в Самом Себе содержащий условия причины всего, что существует, Он и называется сообразно всему, что существует, даже противоположному одно другому, как, например, свету и тьме, огню и воде, для того чтобы мы знали, что по существу Он не таков, но пресуществен и безымянный, и что как Виновник всего, что существует, Он принимает Себе имена от всего Им произведенного.

Поэтому одни из божественных имен — отрицательные, показывающие божественную пресущественность, таковы: бессущественный, безлетный, безначальный, невидимый, — не потому, что Бог меньше чего-либо, или что Он лишен чего-либо, ибо все —Его, и от Него и чрез Него все произошло и в Нем состоит, — но потому, что все существующее Он превосходит преимущественным образом; ибо Он не есть что-либо из того, что существует, но — выше всего. Другие имена — утвердительные, говорящие о Нем, как о Виновнике всего. Как Виновник всего существующего и всякого существа, Он называется и сущим, и сущностью; как Виновник всякого разума и мудрости, разумного и мудрого, и сам называется Разумом и разумным, Мудростью и мудрым; равно как — Умом и умным, Жизнью и живущим, Силою и сильным; подобным образом Он называется и сообразно со всем остальным. Наиболее же свойственно Ему принимать названия от вещей благороднейших и более к Нему близких. Так благороднее и ближе к Нему невещественное, чем вещественное, чистое, чем нечистое, святое, чем скверное, так как и более Ему свойственно. Поэтому гораздо более свойственно Ему называться солнцем и светом, нежели тьмою, и днем, нежели ночью, и жизнью, нежели смертью, и огнем, и воздухом и водою, как жизненными началами, нежели землею; преимущественно же и более всего — благом, нежели злом, или, что то же, сущим, нежели не сущим; ибо благо — бытие и причина бытия; зло же — лишение блага или бытия. И это — отрицания и утверждения. Из тех и других происходит приятнейшее сочетание, как то: пресущественное существо, пребожественное Божество, прена начальное начало, и тому подобное. Есть и такие имена, которые, хотя приписываются Богу утвердительно, но имеют силу превосходного отрицания, таково: тьма, не потому, что Бог — тьма, но потому, что Он не есть свет, а — выше света [2].

Итак, Бог называется Умом и Разумом, и Духом, и Мудростью, и Силою, как Виновник этого, как невещественный, вседетельный и всемогущий. И это, говоримое утвердительно и отрицательно, говорится вообще о всем Божестве, как и о каждой Ипостаси Святой Троицы, одинаковым и таким же образом, и без всякого уменьшения. Ибо всякий раз, как я думаю об одной из Ипостасей, я понимаю Ее совершенным Богом и совершенным Существом. А соединяя и исчисляя вместе три Ипостаси, разумею единого совершенного Бога; ибо Божество не сложно, но в трех совершенных лицах единое, совершенное, нераздельное и несложное. Когда же думаю о взаимном отношении Ипостасей, разумею, что Отец есть пресущественное Солнце, Источник благодати, Бездна существа, разума, мудрости, силы, света, Божества, Источник рождающий и производящий сокровенное в Нем благо. Итак, Он — Ум, Бездна разума, Родитель Слова и чрез Слово Изводитель Духа, Который Его открывает; и, чтобы не говорить много, в Отце нет (другого) слова, премудрости, силы и желания, кроме Сына, Который есть единственная сила Отца, предначинательная, которой все сотворено, как совершенная Ипостась из совершенной Ипостаси рожденная так, как то ведаёт Сам Тот,

Кто есть и называется Сыном. Дух же Святой есть сила Отца, проявляющая сокровенное Божество, из Отца чрез Сына исходящая, как знает Сам Он, но не через рождение; а потому и Дух Святой есть Совершитель творения всяческих. Итак, что прилично Виновнику-Отцу, Источнику, Родителю, должно приличествовать одному Отцу. А что — произведенному, рожденному Сыну, Слову, Силе предначинающей, желанию, мудрости; то должно относить к Сыну. Что же прилично произведенному, исходящему и открывающему, совершительной Силе, то должно относить к Святому Духу. Отец есть Источник и Причина Сына и Святаго Духа; но Он — Отец одного только Сына и Изводитель Святаго Духа. Сын есть Сын, Слово, Премудрость, Сила, Образ, Сияние, изображение Отца и от Отца. Но Дух Святой не Сын Отца, но Дух Отца от Отца исходящий. Ибо никакого возбуждения не бывает без Духа. Но Он — также и Дух Сына, но не потому, что из Него, но потому, что чрез Него из Отца исходит. Ибо один только Виновник — Отец [3].

[1] Афанасий Александр., Слово 2-ое против ариан. 22

[2] Григорий Богослов, слово 30. Дионисий Ареопагит, Об именах Божиих, 1. 23

[3] Дионисий Ареопагит, Об именах Божиих, 5.

Глава XIII

О месте Божием и о том, что одно только Божество неопишимо.

Телесное место есть предел содержащего, в котором содержится содержимое; например, воздух содержит, а тело содержится. Но не весь содержащий воздух есть место тела содержимого, а только предел содержащего воздуха, объемлющий содержимое тело. Вообще же (должно знать), что содержащее не заключается в содержимом.

Но есть и духовное (νοητος, мысленное) место, где представляется и находится духовная и бестелесная природа, где именно она присутствует и действует; но содержится не телесно, а духовно; ибо она не имеет определенного вида, чтобы могла содержаться телесно.

Итак, Бог, будучи невещественным и неопишимым, не находится в месте: Он место Сам для себя, как все наполняющий, выше всего сущий и Сам все содержащий. Однако говорится, что и Он находится в месте, и где Его действие бывает явно, то и называется местом — Божиим. Ибо Он Сам, не смешиваясь ни с чем, проникает все и всему дает участвовать в своем действии, по достоинству и восприимлемости каждого: говорю же я

о чистоте физической и нравственной. Ибо невещественное чище вещественного, и добродетельное — порочного. Итак, местом Божиим называется то, что наиболее участвует в Его действии и благодати. Поэтому небо — Его престол; ибо на небе Ангелы творят волю Его и всегда славят Его, — что и составляет Его покой; а земля — подножие ног (Ис. 66, 1) Его, потому что на ней Он во плоти с человеки поживе (Вар. 3, 38). Ногою же Божиею названа святая Его плоть. Называется же местом Божиим и церковь, потому что мы отделяем ее, как некое священное место, на славословие Богу; здесь же воссылаем к Нему и наши молитвы. Равным образом и другие места, где только очевидно нам действие Его или во плоти, или без тела, называются местами Божиими [1].

Должно же знать, что Божество неделимо, так что Оно все и везде есть, и не часть в части, разделяемая телесным образом, но все во всем и все выше всего.

О месте ангела и души и о неопишемом.

Что касается Ангела, то он, хотя телесным образом и не содержится в месте так, чтобы получал образ и определенный вид, однако о нем говорится, что он находится в месте духовным присутствием и действием, как это свойственно его природе, и не везде присутствует, но где действует, там духовным образом и ограничивается, потому что не может действовать в одно и то же время в различных местах. Одному Богу свойственно действовать повсюду в одно и то же время. Ибо Ангел действует в различных местах, по быстроте своей природы и по способности легко, т. е. скоро переходить, а Божество, будучи везде и выше всего, действует одним и простым действием в разных местах в одно и то же время.

Душа же соединяется — с телом вся со всем, а не часть с частью; и не содержится им, а его содержит, как огонь железо, и, пребывая в нем, производит свойственные ей действия.

Описуемо есть то, что объемлется или местом, или временем, или пониманием; неопишимо же есть то, что ничем таковым не объемлется. Итак, одно Божество неопишимо, как безначальное и бесконечное, все содержащее и никаким понятием необъемлемое; ибо оно необъемлемо и беспредельно, никому не ведомо и ведомо только Самому Себе. Ангел же ограничивается и временем — ибо имеет начало бытия своего, и местом — хотя и в духовном смысле, как прежде мы сказали, и постижимостью — ибо (Ангелы) некоторым образом знают и природу друг друга, и совершенно ограничиваются Творцом. А тела ограничиваются и началом, и концом, и телесным местом, и постижимостью [2].

Свод мыслей о Боге и Отце, и Сыне, и Святом Духе. И о Слове и Духе.

Итак, Божество совершенно, непреложно и неизменно. Оно, по своему предведению, предопределило все, не от нас зависящее, назначив всему свойственное и приличное время и место. Поэтому-то Отец не судит никому же, но суд весь даде Сынови (Ин. 5, 22). Ибо судит, конечно, Отец и Сын, как Бог, и Дух Святой; но один Сын, как человек, телесным образом снидет и сядет на престоле славы (Мф. 25, 31), потому что только ограниченному телу приличны схождение и сидение, и будет судить вселенную в правде (Деян. 17, 31).

Все отстоит от Бога, но не местом, а природою. В нас благоразумие, мудрость и решение являются и исчезают, как свойства; но не в Боге: в Нем ничего не возникает и не убывает; ибо Он неизменяем и непреложен, и Ему нельзя приписывать ничего случайного. Ибо благо Он имеет сопутствующим Его существу.

Кто всегда стремится желанием к Богу, тот Его видит; ибо Бог во всем; все сущее зависит от Сущего, и ничто не может существовать, что не имело бы бытия своего от Сущего, потому что Бог, как содержащий природу, соединен со всем; а со святою Своею плотью Бог-Слово соединился ипостасно и с нашею природою сблизился неслиянно.

Никто не видит Отца, как только Сын и Дух (Ин. 6, 46). Сын есть совет, мудрость и сила Отца. Ибо нельзя приписывать Богу качества, чтобы не сказать нам, что Он сложен из существа и качества.

Сын — из Отца, и все, что имеет, из Него имеет (Ин. 5, 30), поэтому и не может ничего делать Сам от Себя; ибо Он не имеет действия особого по сравнению с Отцем [3].

Что Бог, будучи невидим по естеству, видимым делается по действиям, это нам известно из устройства мира и Его управления (Прем. 13, 5).

Сын есть образ Отца, а образ Сына — Дух, чрез Которого Христос, обитая в человеке, дает ему то, что есть соответственно образу (Божью) [4].

Бог - Дух Святой — среднее между нерожденным и рожденным, и чрез Сына соединяется с Отцем. Он называется Духом Божиим. Духом Христовым, Умом

Христовым, Духом Господним, Само-Господом, Духом сыноположения, истины, свободы, премудрости, как производящий все это; Он все наполняет Своим существом и все содержит, наполняя Своим существом мир, но не ограничиваясь миром по силе.

Бог есть существо присносущное, неизменяемое, всесозидающее, поклоняемое благочестивым умом.

Бог есть Отец, всегда сущий, нерожденный, потому что ни от кого не родился, но родивший соприсносущного Сына. Бог есть и Сын, всегда сущий со Отцем, из Которого родился безвременно и вечно, вне истечения, и бесстрастно, и неразлучно. Бог есть также и Дух Святой, сила освятительная, ипостасная, от Отца исходящая неразлучно и в Сыне почивающая, единосущная со Отцем и Сыном.

Есть Слово, существенно всегда присущее Отцу. Слово есть и естественное движение ума, согласно с которым он движется, мыслит, рассуждает; — оно как бы отсвет и сияние ума. Опять есть слово внутреннее, произносимое в сердце. Опять — слово произносимое есть вестник мысли. Итак, Бог Слово есть и самостоятельно, и ипостасно; прочие же все три слова суть силы души, не созерцаемые в их собственной ипостаси; именно, первое есть естественное порождение ума, всегда естественно из него приистекающее; второе называется внутренним, а третье произносимым.

И Дух понимается многообразным образом. Есть Дух Святой. И действия Духа Святаго называются духами. Дух есть и благий Ангел; дух — и демон; дух есть и душа; иногда и ум называется духом; дух — и ветер; дух — и воздух.

[1] Григорий Богослов, слово 28. Григорий Нисский, О душе и воскресении.

[2] Григорий Богослов, слово 41. 25

[3] Григорий Богослов, слово 30.

[4] Василий Великий, Против Евномия, книга 5-ая.

Глава XIV

Свойства Божеского естества.

Бог — существо несозданное, безначальное, бессмертное, бесконечное и вечное; бестелесное, благое, вседеятельное, праведное, просветительное, неизменное, бесстрастное, неопишное, невместимое, неограниченное, беспредельное, невидимое, непостижимое, вседовольное, самодержавное и самовластное, вседержительное, жизнедательное, всеильное, беспредельно мощное, освячительное и общительное, всеобъемлющее и сохраняющее, и обо всем промышляющее — таково есть Божество, Которое все это и тому подобное имеет по самой природе, а ниоткуда не получило, но само сообщает всякое благо Своими тварям, — каждой по ее приемной силе.

Ипостаси пребывают и обитают одна в другой; ибо они и неотлучны, и неудаимы одна от другой, неслитно вмещающаяся одна в другой, но не так, чтобы они смешивались или сливались, но так, что они одна в другой находятся. Ибо Сын в Отце и Духе, и Дух в Отце и Сыне, и Отец в Сыне и Духе, без всякого уничтожения или смешения, или слияния. И одно и то же у них движение; ибо едино есть устремление и едино движение трех Ипостасей; —чего в сотворенной природе усмотреть невозможно [1].

Кроме того, божеское просияние и действие, будучи едино, просто и нераздельно, пребывает простым и тогда, когда разнообразится по видам благ, сообщаемых отдельным существам, и когда разделяет всем им то, что составляет соответственную каждой вещи природу; но, нераздельно размножаясь в отношении к отдельным существам, оно и самые отдельные существа возводит и обращает к собственной своей простоте. Ибо все существа стремятся к Божеству и в Нем имеют бытие, так как Оно сообщает всем бытие, сообразное природе каждого; и Оно есть бытие вещей существующих, жизнь живущих, разум разумного и ум умного; само между тем Оно выше ума, выше разума, выше жизни, выше существа [2].

Еще же должно присоединить и то, что Оно чрез все проникает, ни с чем не смешиваясь, но чрез Него Самого ничто не проникает. Оно и все знает простым ведением, и все просто зрит божественным, всеосозерцающим и невестественным своим оком, все — и настоящее, и прошедшее, и будущее, прежде бытия их. Оно безгрешно, и отпускает грехи, и спасает. Оно все, что хочет, может; но не все, что может, хочет; так, Оно может погубить мир, но не хочет [3].

[1] Григорий Богослов, слово 3, 22, 40.

[2] Дионисий Ареопаг., Об именах Божиих, 5.

[3] Григорий Богослов, слово 40.

Второе защитительное слово против порицающих святые иконы.

I. Господа мои, окажите снисхождение просящему, и от меня, непотребного и самого малаго раба Церкви Божией, примите слово о том, что – вполне верно. Ибо, - Бог свидетель, - я приступил к речи не ради славы или – того, чтобы показать себя значащим нечто, но вследствие ревности к истине. Ибо одну только ее [т.е., ревность] я имею как надежду на спасение, и надеюсь, и желаю с нею встретить Господа Христа, предлагая Ему ее, как умиловление за те постыдные грехи, какие были мною совершены. Ибо один, получив от Господа пять талантов., принес и другие пять, которые он приобрел; и получивший два принес равные по числу два [других]; получивший же один, закопавший и принесший его бесплодным, был назван негодным рабом и осужден на тму кромешную 1). Боясь, чтобы и мне не испытать этого, я покоряюсь повелению Господа, и вам, благоразумным купцам, предлагаю данный мне от Него талант слова, чтобы Господь мой, придя, нашел его в несколько раз увеличивающимся и производящим плод: прибыль душевную, и, найдя [меня] верным рабом, ввел меня в желанную для меня сладчайшую свою радость. Но дайте мне ухo внимания и, распростерши столы сердец, примите мое слово и настоящим образом наследуйте силу говоримаго. Второе же это слово об иконах я составил потому, что некоторыя из чад Церкви посоветовали мне сделать это, так как первое было для многих не совсем удобопонятно. И так, мне, в данном случае исполнившему долг послушания, окажите снисхождение и в этом.

II. Возлюбленные, у завистливаго и виновника всех зол – змия, - я разумею диавола, - есть обычай многими способами воевать с человеком, созданным по образу Божию, и причинять ему смерть при посредстве противоположных уловок. Ибо тотчас в начале всеял в него надежду и желание сделаться Богом, и чрез них низвел его до смерти безсловесных. Однако, много раз прельстил его и постыдными, и неразумными удовольствиями. А сколь велико различие между божеским состоянием [которое он обещал человеку] и неразумною похотью? И то приводил к безбожию, как говорит Богоотец Давид: рече безумен в сердце своем: несть Бог 2); то ко многобожию; и то убеждал непоклоняться даже Тому, Кто по природе – Бог; а то [убеждал поклоняться] демонам; а еще приучил поклоняться и небу, и земле, и солнцу, и луне, и звездам, и остальным тварям даже до животных и пресмыкающихся. Ибо одинаково худо: как не воздавать должной чести достойным уважения, так и уделять не приличествующую чрезмерную славу недостойным чести. Опять, некоторых научил, что зло – совечно Богу. Некоторых же прельстил исповедывать, что благой по природе Бог – Виновник зла. И одних ввел в заблуждение, чтобы они неразумно говорили, что в Божестве – одно естество и одно Лицо, других же обманул, чтобы они беззаконно почитали три естества и три Лица; и некоторых внушил прославлять одно Лицо и одно естество Господа нашего Иисуса Христа, Который есть един из Святой Троицы; некоторым же – два естества и два Лица Егоже.

III. Истина же, идя средним путем, все эти нелепости отвергает и учит исповедывать единаго Бога, одно естество в трех Лицах, Отце и Сыне, и Святом Духе; зло же, говорит она, не есть сущность, но нечто случайное, некоторая мысль и слово, и действие вопреки закону Божию; свое существование оно имеет в том, что мыслиться и говориться, и делается, и вместе с прекращением [этого] исчезает и оно. Еще же возвещает она и то, что Христос – один из Святой Троицы, что он состоит из двух естеств и что Он – одно Лицо.

IV. Но демон, враг истины и неприязненно относящийся ко спасению людей, много раз прельстивший не только язычников, но и сынов Израиля делать изображения и тленных людей, и птиц, и зверей, и пресмыкающихся 3), и поклоняться этим, как богам, теперь старается привести в смятение живущую в мире Церковь Христову, посредством незаконных уст и лукавого языка примешивая к божественным словам порок и пытаясь прикрывать отвратительный и мрачный его образ и отклонять сердца не укрепившихся от истинного и Отцами переданного обычая. Ибо некоторые возстали, говоря, что не должно для созерцания и славы, и удивления, и соревнования изображать и выставлять (публично) спасительных чудес Христа и подвигов святых против диавола. И кто, обладая божественным знанием и духовною проницательностью, не замечает, что [это] – внушение диавола? Ибо он не желает, чтобы были обнаружены поражение и посрамление его, также не желает и того, чтобы была начертана слава Бога и святых Его.

V. Ибо, если бы мы делали изображение невидимаго Бога, то действительно погрешали бы, потому что невозможно, чтобы было изображено безтелесное и невидимое, и неопишное, и не имеющее формы. И опять: если бы мы делали изображения людей и их считали богами, и служили – как богам, то действительно поступали бы нечестиво. Но мы не делаем ничего из этого. Ибо после того, как Бог, по неизреченной Своей благодати, воплотившись, явися на земли во плоти и с человеки поживе 4), и воспринял природу и величину, и образ, и цвет плоти, мы, делая Его изображение, не погрешаем. Ибо сильно желаем увидеть Его образ; потому что как говорит божественный Апостол, видим ныне, якоже зеркалом в гадании 5). Изображение же и есть зеркало и гадание, соразмерное с величиною нашего тела. Ибо ум, и после многих напряжений, не в состоянии выйти из пределов телеснаго.

VI. О, прочь от тебя, завистливый диавол, ты завидуешь нам в том, чтобы мы видели изображение Господа нашего и чрез него освящались, чтобы также видели спасительныя Его страдания и удивлялись Его снисхождению, и созерцали Его чудеса, и прославляли могущество Его Божества. Ты завидуешь святым из-за данной им от Бога чести. Не желаешь, чтобы мы видели начертанную их славу и делались подражателями их мужества и веры. Не повинемся тебе, завистливый и человеконенавистный демон. Услышьте, народы, племена, языки, мужи, женщины и дети, старцы и юноши, и младенцы, святой народ христианский! Если кто благовествует вам вопреки тому, что вселенская Церковь приняла от святых Апостолов, Отцов, соборов и сохранила донныне, не послушайте его и не примите совета змия, как приняла Ева и пожала смерть 6). И если Ангел или царь будет благовествовать вам вопреки тому, что приняли вы, закройте уши. Ибо я, ожидая исправления, страшусь сказать, как говорил божественный Апостол: да будет анафема! 7).

VII. Но те, которые не исследуют смысла Писания, говорят, что Бог сказал чрез законодателя Моисея: не сотвори всякаго подобия, елика на небеси и елика на земли 8). И чрез пророка Давида: да постыдятся вси кланяющиеся истуканным, хвалящиеся о идолах своих 9), и другое многое таковое же. Ибо то, что представили они как из

божественного Писания, так и из святых Отцов, следует понимать должным 9а) образом.

И так, что нам говорить на это? Что иное, если не то, что сказано Господом Иудеям: испытайте писаний 10)? Ибо исследование Писаний – прекрасное дело. Но здесь направляйте ум благоразумно! Обмануть Бога, возлюбленные, невозможно 11). Ибо один – Бог, один – Законодатель Ветхаго и Новаго Завета, древле глаголавый многочастне и многообразне отцем во пророцех и в последния времена в Единородном Его Сыне 12). Направляйте свой ум со тщанием! Это слово – не мое; Святой Дух объявил чрез св. Апостола Павла: многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех 13). Замечай, что Бог говорил многочастне и многообразне. Ибо, как сведущий врач не всем и не всегда дает один и тот же вид [лекарства], но каждому дает лекарство сообразно со свойством [дела], обращая внимание и на страну, и на болезнь, и на время, и на возраст: дитяти – одно, совершеннолетнему же, сообразно с возрастом, другое; иное – больному и другое – выздоравливающему и каждому из больных не одно и то же, но сообразно со свойством [его тела] и болезни; и иное – летом, и другое – зимой и осенью, и весной, и в каждом месте – соответственно свойству места; так и прекрасный Врач душ находившимся в детском еще возрасте и изнемогавшим от болезни идолослужения, и считавших идолов богами, и поклонявшихся им, как богам, и отвергавшим поклонение Богу, и воздававшим славу Его твари, запретил делать это. Ибо невозможно делать изображение Бога – безтелеснаго и невидимаго, и невещественнаго, и не имеющаго ни внешняго вида, ни очертания, и непостижимаго. Ибо как будет изображено то, что не доступно зрению? Бога никтоже виде нигдеже: единородный Сын, сый в лоне отчи, той исповеда 14). И: никто не узрит лице мое, и жив будет, говорил Бог 15).

VIII. А что идолам поклонялись, как богам, послушай – что говорит Писание в Исходе сынов Израиля, когда Моисей взошел на гору Синай и на долгое время остался [там], сидя с Богом, и получил закон, когда неблагодарный народ возстал на Аарона, слугу Божия, говоря: сотвори нам боги, иже пойдут пред нами: Моисей бо сей человек, не вемы, что бысть ему 16); потом – когда сняли с их женщин украшение и слили из металла [тельца], и ели, и пили, и упились как вином, так и заблуждением, и начали играть, говоря в безумии: сии бози твои Исраилю 17).

Видишь, что богами они имели идолов, которые были жилищами демонов? И что служили тваре паче Творца, подобно тому как говорит божественный Апостол: иже измениша славу нетленнаго Бога в подобие образа тленна человека, и птиц, и четвероног, и гад, и послужиша твари паче Творца 18). Ради этого Бог запретил делать всякое подобие, как Моисей говорит во Второзаконии: И глагола Господь к вам из среды огня: глас словес вы слышасте, и образа не видесте, токмо глас 19). И после немногих слов: и снабдите души своя зело, яко не видесте подобия в день, в оньже глагола Господь к вам в горе Хорив из среды огня, никогда не беззаконуйте, и не сотворите себе самим подобия ваянна, всякаго образа, подобия мужеска пола или женска, подобия всякаго скота, иже есть на земли, подобия всякия птицы пернатая и следующ. 20). И после небольшого промежутка: и да не когда воззрев на небо, и видев солнце и луну, и звезды, и всю красоту небесную, прелстився поклонишися им, и

послужиши им 21). Замечай, что одна – цель, чтобы не послужили твари паче Творца и не воздавали служебного поклонения [никому], кроме одного только Творца. Поэтому с поклонением повсюду [в Писании] соединяется служение. И после немногих слов: да не будут тебе бози инии, кроме Меня; да не сотвориши себе кумира, ни всякаго подобия 22). И опять: и богов слияных да не сотвориши себе 23) Видишь, что из за [избежания] идолослужения [Писанием] запрещается рисование изображений, и что невозможно, чтобы Бог – безтелесный и невидимый, и неопиcуемый был изображаем. Ибо образа Его, говорит [Писание], не видесте 24); как говорит и Павел, стоя в середине Ареопага: род убо суще Божий, не должны есмы непщевати подобно быти божество, злату или серебру, или каменю художне начертану и смышлению человеку 25).

IX. И что это – так, слушай: не сотвори себе, говорит [Писание], кумира и всякаго подобия 26). Когда Бог повеле это, сотвориша, говорит он, завесу [дверем] скинии свидения от синеты и багряницы, и червленицы спрядены, и виссона сканаго, дело швенно херувимы. И сотвориша очистилище над кивотом от злата чиста, и два херувима 27). Что ты делаешь, о, Моисей? Ты говоришь: не сотвори себе кумира, ни всякаго подобия 28), и ты же устраиваешь завесу – дело швенно херувимы 29)? И – двух Херувимов из чистаго золота 30)? Но слушай – что отвечает тебе слуга Божий Моисей. О, слепые и безумные, поймите силу говоримаго, и снабдите души своя зело. Я сказал, яко не видесте подобия в день, в онъже глагола Господь к вам в горе Хорив из среды огня, никогда не беззаконнуйте, и не сотворите себе самим подобия ваянна, всякаго образа 31), и богов слияных да не сотворите себе 32). Я не сказал: не сделай изображения Херувимов, как рабов, предстоящих очистилищу, но: да не сотвориши себе богов слияных, и: не сотвори всякаго подобия 33), как Бога, и не послужи твари паче Творца 34). И так, подобия Бога я не сделал, не сделал, конечно, и подобия кого-либо другого, как Бога, и не послужил твари паче Творца.

X. Заметил ты, как обнаружилась идея Писания для тех, кто разумно ее исследует. Ибо должно знать, возлюбленные, что во всяком деле разыскивается истина и ложь, и цель того, кто его совершает, прекрасна ли она или худа. Ибо хотя в Евангелии изображены и Бог, и Ангел, и человек, и небо, и земля, и вода, и огонь, и воздух, и солнце, и луна, и звезды, и свет, и тьма, и сатана, и демон, и змеи, и скорпионы, и смерть, и ад, и добродетели, и пороки, и все, как прекрасное так и худое; но, однако, так как все говоримое о них – истинно и целью имеет славу Бога и прославляемых им святых, также спасение наше и низложение, и посрамление диавола и его демонов, то мы поклоняемся и обнимаем, и целуем, и приветствуем главами и устами, и сердцем; равным образом [воздаем честь] и всему Ветхому и Новому Завету, и словами святых и превосходных Отцов. Постыдное же и отвратительное, и нечистое писание проклятых: и Манихеев, и Еллинов, и остальных ересей, как содержащее то, что ложно и суетно, и как выдуманное для славы диавола и его демонов и для их радости, отвергаем с презрением и бросаем от себя прочь, хотя бы оно и заключало [в себе] имя Божие. Таким образом и в деле, касающемся изображения, должно отыскивать как истину, так и цель тех, кто их устраивает. И если она – истинна и права и если изображения делаются для славы Божией и Его святых и для соровнования добродетели и – избежания порока и спасения душ, то должно принимать их с радостию и почитать, как образы и подражания, и подобия, и книги для неграмотных, и поклоняться, и целовать, и приветствовать глазами и устами, и сердцем, как подобие воплотившагося Бога или

Его Матери, или святых, соучастников страданий и славы Христа и победителей, и истребителей диавола и демонов, и заблуждения их.

XI. Если же кто-либо осмелится сделать изображение Божества – невещественного и безтелесного, и невидимого, и не имеющего формы и цвета, то мы отвергаем от себя, как ложное. И если кто-либо осмелится сделать изображение для славы и поклонения, и чести диавола или демонов, то оказываем презрение и истребляем огнем; и если кто-либо обоготворит изображение людей или птиц, или пресмыкающихся, или иной твари, того предаем анафеме. Ибо как святые Отцы ниспровергли святилища и храмы демонов, и на их местах воздвигли храмы в честь имени святых, и эти мы почитаем, – так истребили они и изображения демонов и вместо тех устроили изображения Христа и Богородицы, и святых. И во время Ветхаго Завета, конечно, не воздвигал храмов в честь имени людей Израиль, ни праздновалась память человека. Ибо природа людей была еще под проклятием, и смерть была приговором [т.е. наказанием], почему и была оплакиваема; и тело умершего считалось нечистым, также и касавшийся его. Теперь же, с тех пор как Божество, как некоторое животворящее и спасительное лекарство, соединилось с нашим естеством, наше естество прославлено и превращено в нетленное. Поэтому и смерть святых празднуется, и храмы им воздвигаются, и изображения начертываются. И так, да знает всякий человек, что пытающийся уничтожить изображение, возникшее вследствие божественной любви и ревности для славы и воспоминания о Христе или Матери Его – Святой Богородице, или ком либо из святых, и для посрамления диавола и поражения его и демонов его, и не поклоняющийся, и не почитающий, и не приветствующий его, как драгоценное изображение и – как Бога, враг – Христа и Святой Богородицы, и святых и мститель за диавола и его демонов, делом обнаруживая свою печаль из за того, что Бог и святые Его чествуются и прославляются, диавол же посрамляется. Ибо изображение есть [своего рода] триумф и опубликование, и надпись на столбе в воспоминание о победе тех, которые поступили неустрашимо и отличились, и о посрамлении побежденных и низложенных демонов.

XII. Не царей дело – давать законы Церкви. Что говорит божественный Апостол? И овых убо положи Бог в церкви: первое апостолов, второе пророков, третье пастырей и учителей, для устройства Церкви 35). Не сказал: царей. И опять: повинуйтесь наставником вашим и покарьтесь: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще 36)... И опять: поминайте наставников ваша, иже глаголаша вам слово [Божие], ихже взирающе на скончание жительства 37), подражайте вере 38). Не цари глаголаша вам слово, но Апостолы и пророки, и пастыри, и учителя. Бог, заповедав Давиду построить Ему дом, говорит к нему: ты не созиждеш ми дому, зане человек кровей 39) еси ты 40). Воздадите всем должная, воскликнул Апостол Павел, емуже честь, честь, емуже страх, страх, емуже дань, дань, емуже урок, урок 41). Царям свойственн хороший образ государственной деятельности; церковное же устройство – дело пастырей и учителей. Это, братие, разбойническое нападение. Саул разорвал одежду Самуила 42) и что потерпел? Бог разодрал его царство и дал его весьма кроткому Давиду. Иезавель преследовала Илию, и свиньи и псы лизали ее кровь, и блудницы мылись в ней 43). Ирод умертвил Иоанна и, снедаемый червями, умер 44). И теперь блаженный Герман, блистающий жизнью и словом, был заушен и сделался изгнанником 45), также и весьма многие другие Епископы и Отцы, имен которых мы не знаем. Не разбойническое ли – это дело? Господь, когда к нему с искусительными намерениями подошли книжники фарисеи, чтобы уловить Его словом, и спросили Его: достойно ли есть дати кинсон

кесареви? Ответил им: покажите ми динарий, а когда показали 46), сказал: чей имать образ? Когда же они сказали: кесарев, говорит: воздадите, яже кесарева, кесареви, а яже Божия Богови 47). Мы покорны тебе, царь, в делах, касающихся жизни [т.е. в делах века сего]: податях, пошлинах, получении [твоих] даяний, в том, в чем вверено тебе управление нашими делами; в церковном же устройстве имеем пастырей, глаголавших нам слово и изготовивших церковное законоположение. Не удаляем со своего места предел вечных, яже положиша наши отцы 48), но удерживаем предания, как приняли их. Ибо, если начнем, хотя в малом, ниспровергать здание Церкви, то оно понемногу будет разрушено все.

XIII. Ты хулишь вещество и называешь презренным? Это также [делают] и Манихеи; но божественное Писание провозглашает его прекрасным. Ибо оно говорит: и виде Бог вся, елика сотвориши: и се добра зело 49). И так, я признаю, что вещество – творение Божие и что оно прекрасно; ты же, если называешь его дурным, или признаешь, что оно – не от Бога, или делаешь Бога виновником зла. И так, смотри – что говорит божественное Писание о веществе, которое ты называешь презренным. И рече Моисей к сонму сынов Израилевых, глаголя: сие слово, еже завеща Господь, глаголя: возьмите от себе самих участие Господу: всяк по воле сердца своего, да принесет 50) начатки Господу, золото, серебро, медь, синету, багряницу, червленицу сугубо спрядену, и виссон сканый, и волну козию, и кожи овни очервлены, и кожи сини, и дерева негниющая, и елей помазания, и в сложение фимиама, и камень сардийски, и [камени] в ваяние, на ризу верхнюю, и на подир. И всяк премудрый сердцем в вас, шед да делает вся, елика заповеда Господь, скинию 51) и т.д.

XIV. Вот, подлинно, чествуется и вещество, считаемое вами презренным. Ибо что - ничтожнее козьей волны и красок? Или не краски: червленица и багряница, и синета? Вот, подлинно, и дела рук человеческих и изображения Херувимов; также и вся эта скиния была образом. Ибо виждь, говорит Бог Моисею, да сотвориши все по образу, показанному тебе на горе 52). И, однако, весь Израиль, [стоя] кругом [ея], поклонялся [перед ней]. А кроме того, Херувимы, разве не находились они перед глазами народа? И кивот завета, и светильник, и трапеза, и золотая стамна, и жезл, на что взирая, народ поклонялся? Я не поклоняюсь веществу, поклоняюсь же Творцу вещества, ради меня соделавшемуся веществом и в веществе положившему Свое жилище, и чрез посредство вещества соделавшему мое спасение. Ибо Слово плоть бысть, и вселися в ны 53). А всем ясно, что плоть – вещество и творение. И так, почитаю вещество, чрез которое соделалось мое спасение, и благоговею [перед ним], и поклоняюсь [ему]. Но почитаю не как Бога, а как исполненное божественного действия и благодати. Разве не вещество – древо креста, трижды счастливое и преблаженное? Разве не вещество – гора, почитаемая и святая, краниево место? Разве не вещество – живоносная скала, святой гроб, источник нашего воскресения? Разве не вещество – чернила, кожи [на которых написаны книги] Евангелий? Разве не вещество – животворящая трапеза, доставляющая хлеб жизни? Разве не вещество – и золото, и серебро, из которых устраиваются и кресты, и святые диски, и потиры? Разве не вещество, предпочтительно пред всем этим, тело и кровь моего Господа? Или устрани почитание всего этого и поклонение, или позволяй по церковному преданию и поклонение иконам, освящаемым именем Бога и друзей Божиих, и по этой причине освящаемым благодатию божественного Духа. Если ты запрещаешь изображения по причине [предписания] закона, то время тебе и субботствовать, и обрезать, ибо это неуклонно повелевает закон, - и соблюдать

весь закон и не праздновать Пасхи Господней вне Иерусалима. Но, узнайте, что, если соблюдаете закон, Христос вас ничтоже пользует 54) Время тебе и вести к бракосочетанию жену брата и возстановлять семя брату 55), и не воспевать песни Господней на земли чуждей 56). Но – нет! Иже бо законом оправдаетесь: от благодати отпадете 57).

XV. Изображаем красками Христа – Царя и Господа, не лишая Его воинства. Ибо воинство Господне – святые. Пусть лишит своего собственного войска земной царь, и тогда пусть лишает своего Царя и Господа. Пусть снимет с себя багряницу и диадему, и тогда пусть отнимает у отличившихся [в борьбе] против тиранна и обуздавших свои страсти приличествующее им почитание. Ибо, если они наследницы Богу и сонаследницы Христу 58), и будут также участниками и в божественной Его славе и царстве, то как не будут соучастниками и земной Его славы те, которые суть друзья Христа? Не глаголю вас рабы, говорит Бог, вы друзи мои есте 59). И так, когда дана им честь со стороны Церкви, мы ли будем отнимать у них? О дерзкая рука! О, безрассудно смелый ум, возстающий против Бога и противящийся Его повелениям! Если ты не поклоняешься изображению, не поклоняйся и Сыну Божию, которое есть живое изображение невидимаго Бога и неизменный образ 60). Храм, который создал Соломон, был освящен кровью бессловесных и был украшен изображениями бессловесных, львов и волков, и пальм, и гранатовых яблок. Теперь же Церковь освящается кровию Христа и святых Его и украшается изображением Христа и святых Его. Или устрани поклонение всякому изображению, или не вводи того, что – ново и не прелагай предел вечных, яже положиша отцы твои 61). Я говорю не о тех, которые были положены прежде чем пришел во плоти Христос Бог наш, но о тех, которые установлены после Его пришествия. Ибо относительно бывших в Ветхом Завете постановлений (закона) Бог с упреком говорит: дах им заповеди не добры 62), по жестокосердию их; так что, после того как было переменено священство, по необходимости произошло и изменение и закона 63).

XVI. Самовидцы же и слуги [бывшии] словесе 64) передали церковное установление не только посредством книг, но и посредством некоторых незаписанных преданий. Ибо откуда мы знаем о святом краниевом месте? Откуда – о гробе жизни? Не [так] ли, [как] дитя от отца, приняли без записи? Что Господь был распят на кресте на краниевом месте и погребен в гробе, егоже исече Иосиф в камени, написано 65). А что это и есть то, чему теперь поклоняемся, мы знаем из незаписанного предания, и весьма многое подобное этому. Откуда – о крещении в третий раз, т.е. чрез три погружения? Откуда – о поклонении кресту? Не из незаписанного ли предания? Поэтому и божественный Апостол Павел говорит: темже убо, братие, стойте, и держите предания, имже научистесь, или словом, или посланием нашим 66). Так как многое без записи передано Церкви и сохранено до настоящего времени, то, поэтому, зачем говорите клевету относительно изображений? Манихеи написали Евангелие от Фомы; напишите и вы Евангелие от Льва. Я не одобряю царя, который, по обычаю тираннов, похищает священство. Не цари получили власть связывать и разрешать. Я знаю царя Валента, называвшегося христианином и [однако] преследовавшего православную веру; знаю и Зинона, и Анастасия, Ираклия и Константина 67), бывшего в Сицилии, и Варданиска, который [был назван также] Филиппиком. Меня нельзя убедить в том, чтобы Церковь была устраиваема царскими предписаниями; напротив, [она должна управляться] по преданиям Отцов, как записанным, так и незаписанным. Ибо, как без писаний 68) было

возвещено во всем мире Евангелие, так без писаний передано во всем мире и то, чтобы были изображаемы Христос – воплотившийся Бог и святые, как и то, чтобы мы поклонялись кресту и молились – стоя [лицами] к востоку.

XVII. А места из писаний, какая ты приводишь, не высказывают проклятия поклонению тем иконам, которые допущены нами, но только – поклонению со стороны Еллинов, которые боготворили изображения. Поэтому из за нелепаго обычая Еллинов, не должно уничтожать и благочестиво возникшаго обычая Церкви. Как чародеи, так и волшебники произносят заклинания, и Церковь заклинает оглашаемых; однако, те заклинают, призывая к себе демонов, эта же – Бога против демонов 69). Еллины приносили жертвы демонам; но и Израиль приносил Богу как кровь, так и тук. И Церковь приносит жертву Богу: жертву безкровную. Еллины посвящали демонам изображения; но и Израиль боготворил изображения. Ибо говорили: сии бози твои, Исраилю, иже изведоша тя из земли Египетския 70). Мы же посвящаем изображения истинному Богу – воплотившемуся и рабам Божиим, и друзьям, прогоняющим полки демонов.

XVIII. Если же говоришь, что блаженный Епифаний 71) открыто запретил употребляющиеся у нас изображения, то узнай, что эта книга – подложна, так как кто либо иной воспользовался именем божественнаго Епифания, что вообще часто случается. Ибо этот Отец не противоборствует соотцам, так как все они соделались причастными одного Святаго Духа. И свидетель этого – Церковь, которая была украшаема иконами до тех пор, пока против нея не возстали некоторые 72) и не привели в замешательство стада Христова, покусившись напоить народ Божий грязным – губительным напитком.

XIX. Если я поклоняюсь и почитаю, как причины спасения, крест и копие, и трость, и губу, при посредстве которых богоубийцы-Иудеи надругались над Господом моим и убили, то почему не буду поклоняться иконам, которые с благою целию приготовляются верными для славы и воспоминания Христовых страданий? Если поклоняюсь изображению креста, устроенному из какого бы то ни было вещества, то почему не буду поклоняться изображению Распятаго, Который и показал спасительную силу креста? О, безчеловечие! А что не веществу поклоняюсь, ясно: ибо когда бывает разрушено изображение креста, сооруженнаго, если бы случилось, из дерева, то дерево и предаю огню, равным образом и вещество икон.

XX. А что изобретение икон и поклонение им не есть дело недавнее, а древнее предание Церкви, бери множество мест из Писания и Отцов. В святом Евангелии от Матфея Господь, ублажая Своих учеников и с ними всех тех, кто живет по их образцу и идет по их следам, говорил следующее: ваша же блаженна очеса, яко видят: и уши ваши, яко слышат. Аминь бо глаголю вам: яко мнози пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша: и слышати, яже слышите, и не слышаша 73). Поэтому и мы сильно желаем увидеть, в какой мере увидеть возможно. Видим убо, якоже зерцалом и в гадании 74), и на иконе, и считаем себя блаженными. Сам Бог – Первый сделал изображение, Он и показал изображения. Ибо перваго человека Он сотворил по образу

Божью 75). И Авраам, и Моисей, и Исаия, и все пророки увидели образы Бога, но не самое существо Божие 76). Купина была образом Богоматери, и Моисею, намеревавшемуся к ней подойти, Бог сказал: изуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть 77). И так, если земля, на которой явился Моисею образ Богородицы, есть земля святая, то во сколько раз больше – этот образ? Ибо он не только – святой, но, осмелюсь говорить, даже из святых святой. Фарисеям, вопросившим о том, что убо Моисей заповеда дати книгу распустную и отщетити жену? Господь ответил: яко Моисей по жестосердию вашему повеле вам пустити жены ваша: из начала же не бысть тако 78). И я говорю вам, что Моисей по причине жестосердия сынов Израиля, зная, что они легко увлекаются идолослужением, повелел им не делать изображений. Теперь же дело обстоит не так: ибо мы твердо стоим на скале веры, обогатившись светом Богопознания. XXI. Послушайте, что говорит Господь: буии и слепии, иже кленется церковию, кленется ею и живущим в ней: и кленыйся небесем, кленется престолом Божиим и сидящим на нем 79). И клянущийся иконою кленется и тем, кто на ней изображается.

XXII. И так, что скиния и завеса, и кивот Завета, и трапеза, и все, находящееся в скинии, были подобия и образы, и дела рук человеческих, которым поклонялся весь Израиль; а еще и то, что изваянные Херувимы были сооружены по повелению Божью, - [это] достаточно доказано [нами выше]. Ибо Бог говорит Моисею: виждь, да сотвориши все по образу, показанному тебе на горе 80). Слушай и Апостола Павла, который свидетельствует, что Израиль поклонялся рукотворенным и образам, так как Бог повелел это. Аще бы бо был, говорит он, на земли, не бы был священник, сущым священником, приносящим по законы дары, иже образу и стени служат 81) небесных, якоже глаголахо бысть Моисею, хотящу сотворити скинию: виждь бо рече: сотвориши по образу, показанному ти на горе: ныне же лучшее улучи служение, поелику и лучшаго завета есть ходатай, иже на лучших обетованиях узаконися. Аще бо бы первый он непорочен был, не бы второму искалося место. Укоряя бо их глаголет: се дние грядут, глаголет Господь: и совершу на дом Израилев, и на дом Иудов завет нов: не по завету, егоже завещал отцем вашим 82) в день, в онъже емшу ми их за руку, извести их от земли Египетския 83). И после небольшого промежутка: внегда же глаголет, нов, обветши перваго: и обветшавающее и состаревающееся, близ есть истления. Скиния бо сооружена бысть первая, в ней же и светильник и трапеза и предложение хлебов, яже глаголется святая. По вторей же завесе скиния, глаголемая святая святых, злату имущи кадильницу, и ковчег завета окован всюду златом: в нем же стамна злата имущая манну, и жезл Ааронов прозябший, и скрижали завета. Превышше же его херувимы славы, осеняющий очистилище (олтарь) 84). И опять: не в рукотворенная бо святая вниде Христос, противоположная истинных, но в самое небо 85). И после другого промежутка: сень бо имый закон грядущих благ, (а не самый образ вещей 86)). XXIII. Замечай, что и закон, и все, сообразное с ним, и все служение 87), имеющее у нас место, суть рукотворенная святая, приводящая нас к невещественному Богу при посредстве вещества. И закон, и все, сообразное с законом, было некоторым оттенением будущего образа, т.е. имеющего у нас место служения; а имеющее у нас место служение – образ будущих благ; самая же вещь 88) – вышний Иерусалим, нематериальный и нерукотворенный, подобно тому как говорит тот же самый божественный Апостол: не имама бо zde пребывающего града, но грядущаго взыскуем 89), каковой есть вышний Иерусалим, емуже художник и содетель Бог 90). Ибо все, как сообразное с законом, так и сообразное с нашим служением, произошло ради того [т.е. вышняго Иерусалима]. Самому Богу – слава во веки. Аминь.

Примечания

- 1) Мф. XXV, 14-30.
- 2) Псал. XIII, 1.
- 3) Римл. I, 23. Иезек. VIII, 10.
- 4) Вар. III, 38.
- 5) 1 Кор. XIII, 12. Буквально у св. И.Дамаскина читаем: в зеркале и гадательно...
- 6) Галат. I, 8. 9. – Быт. III, 1...
- 7) См. в послан. к Галат. *ibid.*
- 8) Исх. XX, 4.
- 9) Псал. XCVI, 7.
- 9а) Буквально: таким же самым...
- 10) Иоан. V, 39.
- 11) Евр. VI, 18.
- 12) Евр. I, 1. 2.
- 13) *Ibid.*, 1.
- 14) Иоан. I, 18. – никогда (слав.нигдеже).
- 15) Исх. XXXIII, 20.
- 16) Исх. XXXIII, 1.
- 17) *Ibid.*, 2-9...
- 18) Римл. I, 23. 25.
- 19) Второз. IV, 12.

- 20) Ibid., 15-17.
- 21) Ibid., 19.
- 22) Ibid., V, 7.8.
- 23) Исх. XX, 17.
- 24) Второз. IV, 12.
- 25) Деян. XVII, 29. 22 и проч.
- 26) Исх. XX, 4.
- 27) Исх. XXXVII [около начала главы и потом в середине ея (стихов не указываем, так как «числа стихам не положено»)]
- 28) См. примеч. 26.
- 29) См. примеч. 27.
- 30) Исх. XXXVII (в середине главы).
- 31) Второз. IV, 15-16.
- 32) Исх. XXXIV, 17.
- 33) См. прим. 32 и 28.
- 34) См. прим. 18.
- 35) 1 Кор. XII, 28.
- 36) Евр. XIII, 17.
- 37) Образ жизни... (=слав.: скончание жительство; синод. русск. перевод: кончину их жизни).
- 38) Евр. XIII, 7.
- 39) В слав Библии: человек воин... См. прим. 40.
- 40) 1 Парал. XXVIII, 3.
- 41) Римл. XIII, 7. Порядок частей стиха у св. И. Дамаскина не-одинаков с порядком их в греч., слав. и русск. Библиях.
- 42) 1 Цар. XV, 27.
- 43) 3 Цар. XIX, 2 - 4 Цар. IX, 36. - «Об Иезавели ничего такого не написано, как правильно заметил Биллиус: наш Дамаскин допустил ошибку памяти, рассказывая о царице то, что Писание, по LXX толковникам, передает о супруге ея – Ахаве; у них

(т.е. толковников) читаем (3 Цар. XXII, 38): «и полизаша свинии, и пси кровь его, и блудницы измышася в крови его» См. у Lequien`я.

44) Деян. XII, 23. – И здесь св. И. Дамаскин допустил ошибку памяти, «так-как умер – съеденный червями – не Антипа, но Ирод Аскалонский и внук его Агриппа. См. Иос. Кн. 17 Древност. гл. 8 и кн. 19 гл. 7 и также Деян. XII, 23». См. у Lequien`я.

45) «Достоинно внимания – то, что говорится о Германе. Ибо Феофан и другие византийские историки, а также и греческая Минея – рассказывают, что превосходный патриарх, когда он не мог сломить упорства Льва, положивши на алтарь нарамник, по собственному побуждению отказался от епископства и удалился в монастырь. Дамаскину, однако, благоприятствуют как писатель жизни св. мученика Стефана младшего, где свидетельствуется, что св. Герман слугами Льва ..., pugnis et convitiis throno fuisse deturbatum», так и некоторые другие и т.д. См. у Lequien`я.

46) У св. И. Дамаскина буквально стоит: принесите... монету; а когда принесли...

47) Мф. XXII, 17. Лук. XX, 24-25.

48) Притч. XX, 28.

49) Быт. I, 31.

50) У св. И. Дамаскина читаем: принесут.

51) Исх. XXXV, 4-11.

52) Исх. XXV, 40.

53) Иоан. I, 14.

54) Галат. V, 4.

55) Второз. XXV, 7...

56) Псал. CXXXVI, 4.

57) Галат. V, 4.

58) См. прим. к первому слову: 74.

59) См. *ibid.*: 75 прим.

60) См. *ibid.*: 76 прим.

61) Притч. XXII, 28.

62) Иезек. XX, 25.

63) Евр. VII, 12.

64) Лук. I, 2.

- 65) Иоан. XIX, 17. Мф. XXVII, 60.
- 66) 2 Сол. II, 15.
- 67) «Феофан и Никифор Констанса, сына Ираклия и отца Константина Погоната, называют также Константином»... Lequ.; примеч.
- 68) ... «ибо Апостолы проповедывали Евангелие без писаний», ходя из одной страны в другую; творения же их появились не вдруг, а большею частью по особым – каждый раз – причинам. См. Lequ.; примеч. и лат. перевод.
- 69) Greg.Nas.orat.5 ad Greg Nyss. См. у Lequ.
- 70) Исх. XXXII, 4.
- 71) Ср. первое слово, отд. XXV, Ср. также примеч. у Lequ. к XVIII отд.второго слова.
- 72) В некоторых изданиях находится прямое упоминание имени «жестокаго и свирепаго Льва...» См. Lequ.; примеч.
- 73) Мф. XIII, 16-17.
- 74) 1 Кор. XIII, 12.
- 75) Быт. I, 27. – XVIII, 1...
- 76) Ср. предыдущ. примеч. – Исх. XXXIII, 13-23. – Исаии VI, 1.
- 77) Исх. III, 5.
- 78) Мф. XIX, 7-8.
- 79) Мф. XXIII, 17, 21, 22.
- 80) Исх. XXV, 40.
- 81) «обозначает некоторый рабский культ» Lequ.
- 82) В греч. Библии читаем: « = сотворих» ...
- 83) Евр. VIII, 4-9.
- 84) Евр. VIII, 13. – IX? 2-5.
- 85) Ibid. IX, 24.
- 86) Ibid. X, 1.
- 87) «Дамаскин имеет в виду у себя слова Павла (Евр. IX, 1.), которые собственно обозначают священнодействия и религиозные обряды, при каких воздается почитание Богу»... и т.д. См. у Lequ.

88) Ср. примеч. 86.

89) Евр. XIII, 14.

90) Евр. XI, 10.

Третье защитительное слово против порицающих святые иконы

I. У лукавого и виновника всех зол — змия, — я разумею диавола, — есть обычай многими способами воевать с человеком, созданным по образу и подобию Божию, и причинять ему смерть при посредстве противоположных уловок. Ибо тотчас в начале всеял в него надежду и желание сделаться Богом и через них низвел [его] до смерти бессловесных. Однако много раз прельстил его и постыдными, и неразумными удовольствиями. А сколь велика противоположность между божеским состоянием, [которое он обещал человеку] и неразумною похотью? То приводил к безбожию, как говорит Богоотец Давид: Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога» (Пс 52:2); то — ко многобожию; и то убеждал не поклоняться даже Тому, Кто по природе — Бог; а то [убеждал поклоняться] демонам; а еще приучил поклоняться и небу, и земле, и солнцу, и луне, и звездам, и остальной твари даже до животных и пресмыкающихся. Ибо одинаково худо как не воздавать должной чести достойным уважения, так и уделять неприличествующую славу недостойным чести. Истина же, идя средним путем, все эти нелепости отвергает и учит исповедовать единого Бога, одно естество в трех Лицах, Отце, и Сыне, и Святом Духе; зло же, говорит она, не есть сущность, но нечто случайное, некоторая мысль, и слово, и действие вопреки закону Божию; свое существование оно имеет в том, что мыслится, и говорится, и делается, и вместе с прекращением [этого] исчезает и оно. Еще же она возвещает и то, что Христос — один из Святой Троицы, что Он состоит из двух естеств и что Он — одно Лицо. Но враг истины и неприязненно относящийся ко спасению людей, некогда много раз прельстивший не только язычников, но и сынов Израиля делать изображения демонов, и нечестивых людей, и птиц, и зверей, и пресмыкающихся и поклоняться им как богам, теперь старается привести в смятение живущую в мире Церковь Христову: посредством беззаконных уст и лукавого языка примешивая к божественным словам порок и пытаясь прикрывать отвратительный и мрачный его образ и отклонять сердца неукрепившихся от истинного и Отцами переданного обычая.

II. Ибо некоторые восстали, говоря, что не должно для созерцания, и славы, и удивления, и соровования изображать и выставлять [публично] спасительных чудес и страданий Христа и подвигов святых против диавола. И кто, обладая божественным знанием и духовною пронизательностью, не замечает, что [это] — внушение диавола? Ибо он не желает, чтоб было обнаружено поражение и посрамление его, также не желает и того, чтобы была начертана слава Бога и святых Его, Ибо если бы мы делали изображение невидимого Бога, то действительно погрешали бы, потому что невозможно, чтоб было изображено бестелесное, и не имеющее формы, и невидимое, и неопишемое, И опять: если бы то, что мы делали, считали богами и служили как богам, то действительно поступали бы нечестиво. Но мы не делаем ничего из этого. Ибо, после того как Бог, по неизреченной Своей благости, воплотился и явился на земле во плоти, и обращался между людьми (Вар 3:38), и воспринял природу [нашу], и величину, и образ, и цвет плоти, мы, делая Его изображение, не погрешаем. Ибо сильно желаем

увидеть Его образ; потому что, как говорит божественный Апостол, теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно (1 Кор 13:12). Изображение же и есть тусклое стекло и гадание, соразмерное с величиной нашего тела. Ибо, говорит божественный Григорий, ум и после многих напряжений не в состоянии выйти из пределов телесного.

III. О, прочь от тебя, завистливый диавол! Ты завидуешь нам в том, чтобы мы видели Господа нашего изображение и через него освящались, что также видели спасительные Его страдания, и удивлялись Его снисхождению, и созерцали Его чудеса, и познавали, и прославляли могущество Его Божества. Ты завидуешь святым из-за данной им от Бога чести. Не желаешь, чтобы мы видели начертанную их славу и сделались подражателями их мужества и веры. Не повинuemся тебе, завистливый и человеконенавистный демон. Услышьте, народы, племена, нации, мужи, женщины, дети, старцы, юноши и младенцы, святой народ христианский! Если кто благовествует вам вопреки тому, что Вселенская Церковь приняла от Апостолов, и Отцов, и соборов и сохранила донныне, не послушайте его! Не принимайте совета змия, как приняла Ева и пожала смерть. И если Ангел или царь будут благовествовать вам вопреки тому, что приняли вы, закройте уши! Ибо я, ожидая исправления, пока страшусь сказать, как говорил божественный Апостол: Да будет анафема!

IV. Но те, которые не исследуют смысла Писания, говорят, что Бог сказал через законодателя Моисея: Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу (Исх 20:4). И через пророка Давида: Да постыдятся все служащие истуканам, хвелящиеся идолами (Пс 97:7), и другое многое таковое же. Ибо чего б ни привели они из божественного Писания и из святых Отцов, должно быть понимаемо надлежащим образом.

Итак, что нам говорить на это? Что иное, если не то, что сказано Господом? Исследуйте писания. Ибо исследование Писаний — прекрасное дело. Но здесь направляйте ум благоразумно! Обмануть Бога, возлюбленные, невозможно. Ибо один — Бог, один — Законодатель Ветхого и Нового Завета, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках (Евр 1:1) и в последние времена в Единородном Его Сыне. Поэтому направляйте свой ум со тщанием! Это слово — не мое; Святой Дух объявил через святого Апостола Павла: Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках (Евр 1:1). Замечай, что Бог говорил многократно и многообразно. Ибо как сведущий врач не всем и не всегда дает один и тот же вид [лекарства], но каждому дает лекарство необходимое и полезное, обращая внимание и на страну, и на болезнь, и на время, то есть на положение дела, и [телесное] состояние, и на возраст: и дитяти — одно, совершеннолетнему же, сообразно с возрастом, другое; иное — больному, и другое — выздоравливающему, и каждому из больных не одно и то же, но сообразно со свойством [его тела] и болезнью; и иное — летом, и другое — зимой, и осенью, и весной, и в каждом месте — соответственно свойству места; так и прекрасный Врач душ находившимся в детском еще возрасте, и изнемогавшим от болезни идоло служения, и считавшим идолов богами, и поклонявшимся им как богам, и отвергавшим поклоне-, ние Богу, и воздававшим славу Его твари запретил делать изображения. Ибо невозможно делать изображение Бога — бестелесного, и невидимого, и невестественного, и не имеющего ни внешнего вида, ни очертания, и непостижимого.

Ибо как будет изображено то, что недоступно зрению? Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Ин 1:18). И: никто, узрев лице мое, жив не будет, говорил Бог.

V. А что идолам поклонялись как богам, послушай, что [говорит] Писание в Исходе сынов Израиля, когда Моисей взошел на гору Синай и на долгое время остался [там], сидя с Богом, и получил закон, когда неблагодарный народ восстал на Аарона, слугу Божия, говоря: Сделай нам бога, который бы шел перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось (Исх 32:1); потом, когда сняли с их женщин украшения и отлили из металла [тельца], и ели, и пили, и упились как вином, так и заблуждением, и начали играть, говоря в безумии: Вот бог твой, Израиль (Исх 32:8). Видишь, что богами они имели идолов? Ибо не сделали изображения Зевса или того, или этого, но, как пришлось, дали золото для приготовления идола, какой бы ни удался, и вышло изображение животного с бычьей головой¹). Итак, этого рода отлитые из металла предметы они имели богами и, как богам, поклонялись тому, что было жилищем демонов. И что служили твари вместо Творца, говорит божественный Апостол: И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, и служили твари вместо Творца (Рим 1:23, 25). Ради этого Бог запретил делать всякое подобие.

VI. Я знаю Того, Кто неложно сказал: Господь, Бог наш, Господь един есть (Вт 6:4); и: Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи (Вт 6:13); и: Да не будет у тебя других богов (Исх 20:3); и: Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле (Исх 20:4); и: Да постыдятся все служащие истребителям (Пс 97:7); и: Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут (Иер 10:11); и то, что таковым образом Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках (Евр 1:1), в последние дни... говорил нам в Сыне... Которого и веки сотворил (Евр 1:2). Я знаю Того, Кто сказал: Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого живого и истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа (Ив 17:3), И во единого Бога, одно Начало всего, безначального, несозданного, не подверженного гибели и бессмертного, вечного и постоянного, непостижимого, бестелесного, невидимого, неопишуемого, не имеющего образа; в одну пресущественную сущность, в Божество — пребожественное, в трех Лицах: Отце, и Сыне, и Святом Духе, и только Ему одному служу, и только Ему одному воздаю служебное поклонение. Поклоняюсь одному Богу, одному Божеству, но служу и Троице Ипостасей: Богу Отцу, и воплотившемуся Богу Сыну, и Богу Святому Духу, не трем Богам, но одному; не разделенным Ипостасям, но соединенным; воздаю не три поклонения, но одно; не каждой из Ипостасей порознь, но трем Ипостасям вместе, как одному Богу, воздаю одно поклонение. Не поклоняюсь твари вместо Творца, но поклоняюсь Создателю, подобно мне сделавшемуся сотворенным и, не уничижив Своего достоинства и не испытал какого-либо разделения, снизошедшему в тварь, чтобы прославить мое естество и сделать участником в божественном естестве. Вместе с Царем и Богом поклоняюсь и багрянице тела, не как одеянию и не как четвертому лицу, — нет! — но как ставшей причастною такому же Божеству и, не испытал изменения, соединившейся с Освятившим ее. Ибо не природа плоти сделалась Божеством, но как Слово, оставшись тем, чем Оно прежде было, не испытал изменения, стало плотью, так и плоть воспринята Словом, не потерявши того, что она есть, лучше же сказать: будучи соединенною с Словом в ипостась. Поэтому смело изображаю Бога

невидимого, ради нас ставшего Причастным и плоти, и крови. Не невидимое Божество изображаю, но посредством образа выражаю плоть Божию, которая была видима. Ибо если невозможно изобразить душу, то сколь больше — Бога, давшего невещественность и душе?

VII. Но, говорят, Бог сказал через законодателей Моисея: Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи (Вт 6:13); и: Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу (Исх 20:4).

Братие! Поистине заблуждаются не знающие, что буква убивает, а дух животворит (2 Кор 3:6), не отыскивающие скрытого под буквою духа. Им я по праву мог бы сказать: Научивший вас этому да научит и тому, что [из сего] следует. Уразумей, как толкует это законодатель, примерно так говоря во Второзаконии: И говорил Господь к вам из среды огня; глас слов Его вы слышали, но образа не видели, а только глас (Вт 4:12). И немного спустя: Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой (Вт 4:15-17). И после краткого промежутка: И дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им (Вт 4:19). Видишь, что одна цель, чтобы мы не служили твари вместо Создателя и, кроме одного только Творца, [никому] не воздавали служебного поклонения? Поэтому всюду с поклонением он соединяет служение. Ибо опять говорит: Не будет у тебя других богов перед лицом Моим, Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и: Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой (Исх 20:3—5). И опять: И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их. Не то должны вы делать (Вт 12:4) другому Богу. И спустя немного: И не делай себе богов литых. Видишь, что ради [избежания] идолослужения он запрещает писание изображений, так как невозможно изображать себе бесколичественного, и неопишуемого, и невидимого Бога? Ибо образа Его, говорит он, не видели, соответственно чему и Павел, стоя в середине ареопага, также говорит: Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого (Деян 17:29).

VIII. Иудеям, конечно, это было предписано по причине склонности их к идолослужению. Мы же (если сказать с Богословом), которым дано, избежав суеверного блуждания, познав истину, находиться в чистом [и святом] общении с Богом и служить одному только Богу, изобиловать совершенством Богопознания и, по миновании детского, достигнуть возраста мужа совершенного — не быть более младенцами (Еф 4:14), получили от Бога способность различать и знаем, что может быть изображаемо и что не может быть выражено посредством изображения. Ибо закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою, и мы, доколе были в детстве, были поработаны вещественным началам мира (Гал 3:24; Гал 4:3). Ибо образа Его, говорит [Писание], не видели. О мудрость законодателя! Как будет

изображено невидимое? Как будет уподоблено неуподобимое? Как будет начертано не имеющее количества и величины, и неограниченное, и не имеющее вида? Как будет нарисовано красками бестелесное? Как будет придан вид неизобразимому? Итак, что таинственно показывается [в этих местах]? Ясно, что теперь нельзя тебе изображать невидимого Бога, а когда увидишь бестелесного ради тебя вочеловечившимся, тогда делай изображение человеческого Его вида. Когда невидимый, облекшись в плоть, становится видимым, тогда изображай подобие Явившегося. Когда Тот, Кто, будучи, вследствие превосходства Своей природы, лишен количества, и качества, и величины, Кто, будучи образом Божиим, принял образ раба (Флп 2:6—7), через это сделался ограниченным в количественном и качественном отношениях и облекся в телесный образ, тогда начертывай на досках и выставляй для созерцания Восхотевшего явиться. Начертывай неизреченное Его снисхождение, рождение от Девы, крещение во Иордане, преобразование на Фаворе, страдания, освободившие нас от страстей, чудеса — признаки Божественной Его природы, совершаемые при посредстве плоти, спасительное погребение Избавителя, восшествие на небо; все рисуй: и словом, и красками, и в книгах, и на досках.

IX. Не сотвори себе, говорит [Писание], куми-ра, ни всякого подобия. Когда Бог повелел это, сотвори, говорит, ко входу скинии из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и из крученого виссона... и искусною работою на ней херувимов (Исх 36:35). Что ты делаешь, о Моисей? Ты говоришь: Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия, и ты [же] устраиваешь завесу — искусною работою херувимы — и двух Херувимов из чистого золота? Но послушай — что отвечает тебе слуга Божий Моисей. О слепые и безумные, поймите силу говоримого, в душах ваших, Я сказал, что вы не видели никакого образа в тот день, когда к вам Господь на Хориве из среды огня (Вт 4:15), дабы никогда не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира (Вт 4:16). Я не сказал: Не сделай изображения Херувимов, как рабов, предстоящих очистилищу, но: да не сотвори себе богов литых, и: не сотвори всякого изображения, как богов, и не послужи твари вместо Творца. Итак, я не сделал подобия Бога, ни подобия кого-либо другого как Бога, ни подобия человека, ибо природа человеческого рода поработана греху. Не послужил я и твари вместо Творца, Но всякой твари подобие, [то есть] скинию, я устроил по образу, показанному мне на горе, и Херувимов, осеняющих очистилище, как предстоящих Богу. Заметил ты, как обнаружилась цель Писания для тех, кто разумно ее исследует? Ибо должно знать, возлюбленные, что во всяком деле разыскивается истина, и ложь, и цель того, кто его совершает, прекрасна ли она или худа. Ибо хотя в Евангелии изображены и Бог, и Ангел, и человек, и земля, и вода, и огонь, и воздух, и солнце, и луна, и свет, и тьма, и сатана, и демоны, и змеи, и скорпионы, и жизнь, и смерть, и ад, и добродетели, и пороки, и все — как прекрасное, так и худое; но, однако, так как все говоримое о них — истинно и целью имеет славу Бога, и наше спасение, и славу восхваляемых Им святых, с одной стороны, с другой — посрамление диавола и его демонов, то мы поклоняемся, и обнимаем, и целуем, и приветствуем глазами, и устами, и сердцем. Равным образом [воздаем честь] и всему Ветхому и Новому Завету, и словам святых и превосходных Отцов. Постыдное же, и отвратительное, и нечистое писание проклятых манихеев, содержащее те же самые имена и выдуманное для славы диавола и его демонов и для гибели души, отвергаем с презрением и бросаем от себя прочь. Таким образом, и в деле, касающемся изображений, должно отыскивать как истину, так и цель тех, кто их устроит. И если она истинна и права и если [изображения] делаются для славы Божией и Его святых, и для соревнования добродетели, и избежания порока, и спасения душ, то должно принимать [их] с радостью и почитать как образы и подражания, и подобия, и

книги для неграмотных, и поклоняться, и целовать, и приветствовать глазами, и устами, и сердцем, как подобие воплотившегося Бога, или Его Матери, или святых, соучастников страданий Его и славы Христовой, и победителей, и истребителей дьявола, и демонов, и заблуждения их. Если же кто-либо осмелится сделать изображение Божества — невещественного и бестелесного, то мы отвергаем его как ложное. И если кто-либо [осмелится сделать изображение] для славы, и чести, и поклонения дьяволу или демонам, то оказываем презрение и истребляем огнем. И если кто-либо обоготворит изображение людей, или домашнего скота, или птиц, или пресмыкающихся, или какой-либо иной твари, того предаем анафеме. Ибо как святые Отцы ниспровергли святилища и храмы демонов и на их местах воздвигли храмы в честь имени Бога и святых, и эти мы почитаем, — так истребили они и изображения демонов и вместо тех устроили изображения Христа, и Матери Его, и святых; почитаем мы также и эти. И во время Ветхого Завета, конечно, не воздвигали храмов в честь имени людей Израиля, не праздновалась память [человека]. Ибо природа людей была еще под проклятием; и смерть была приговором [то есть наказанием], почему и была оплакиваема; и касавшийся тела умершего считался нечистым. Теперь же, с тех пор как Божество, как некоторое животворящее и спасительное лекарство, неслиянно соединилось с нашим естеством, наше естество прославлено и превращено в нетленное. Поэтому и храмы им [то есть святым] воздвигаются, и изображения начертываются.

X. Итак, да знает всякий человек, что пытающийся уничтожить изображение, возникшее вследствие божественной любви и ревности для славы и воспоминания о Христе, или Матери Его — Святой Богородице, или ком-либо из святых, еще же для посрамления дьявола и поражения его и его демонов, и не поклоняющийся, и не почитающий, и не приветствующий его как драгоценное изображение и как Бога, — этот человек — враг Христа, и Святой Богородицы, и святых, мститель за дьявола и его демонов, делом обнаруживая свою печаль из-за того, что Бог и Его святые чествуются и прославляются, дьявол же посрамляется. Ибо изображение есть [своего рода] триумф, и опубликование, и надпись на столбе в воспоминание о победе тех, которые поступили неустрашимо и отличились, и — о посрамлении побежденных и низложенных. Я часто видел, что те, которые сильно любили [кого-либо], смотрели на одежду любимого человека и как глазами, так и устами приветствовали эту одежду, как если бы то был сам любимый ими человек. Следует, по святому Апостолу Павлу, всем воздавать должное: ему же честь, честь; и царю, яко преобладающе, князем же, яко от него посланным; каждому по мере его достоинства.

XI. Где ты нашел в Ветхом Завете или в Евангелии имя Троицы, или слово: единосущный, или ясное описание единой природы Божества, или слово в слово выражения: три Ипостаси, или — одна Ипостась Христа, или буквально два естества! Но, однако, так как святые Отцы, на основании равнозначущих [тем] выражений, находящихся в Писании, определили [все] это, то мы принимаем и предаем анафеме непринимаящих. Я же, на основании Ветхого Завета, хочу доказать тебе, что Бог повелел делать изображения. Во-первых, Он повелел [устроить] самую скинию и все находящееся в ней. Также и в Евангелиях Сам Господь спросивших Его с искусительными намерениями о том, позволительно ли давать по дати кесарю, или нет, сказал: Покажите Мне монету; и принесли Ему динарий. И Он спросил их: Чье это изображение? Они же сказали: Кесарево, И сказал Он: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу (Мф 22:21), Так как динарий имеет изображение кесаря, то он — кесарев, и

[поэтому] отдавайте кесарю, также и изображением Христа воздадите Христу, потому что оно — Христово,

XII. Господь, убажывая Своих учеников, сказал: Многие цари, и пророки, и видеть, что вы видите, и не слышать, что вы слышите, и не слышали (Мф 13:17). И так Апостолы телесным образом видели Христа, и Его страдания, и чудеса и слышали Его слова. Сильно желаем и мы увидеть, и услышать, и быть прославленными. Те видели лицом к лицу, так как Он телесно присутствовал; мы же, потому что Он не присутствует телесно, как бы через посредство книг, слушаем слова Его и освящаем свой слух и него свою душу, и считаем блаженными, и поклоняемся, почитая книги, через посредство которых слышим Его слова. Так и через посредство иконной живописи мы созерцаем изображение телесного Его вида, и чудес, и страданий Его, и освящаемся, и вполне удовлетворяемся, и радуемся, и считаем себя счастливыми; и благоговеем, и почитаем, и поклоняемся телесному Его образу. А созерцая телесный Его вид, мы представляем себе, насколько возможно, также и славу Его Божества. Ибо, — так как мы состоим из двух частей, составлены из души и тела²), и душа наша не обнажена, но покрывается [телом] как бы завесой, — то нам невозможно помимо телесного прийти к духовному. Следовательно, подобно тому как через чувственные слова, [которые] мы слышим телесными ушами, мы также понимаем и духовное, так и через телесное созерцание приходим к созерцанию духовному. Поэтому Христос воспринял тело и душу, так как тело и душу имеет и человек. Поэтому из двух частей состоит и крещение: из воды и духа, так же и святая трапеза [то есть причащение тела и крови Христовых], и молитва, и псалмопение; все — двояко: телесно и духовно также — лампы и каждения (фимиамом).

XIII. Но диавол, оставив все, устремился против одних только икон; и столь велика у него ненависть к иконам, что в Луге святого Софрония, патриарха Иерусалимского, даже так написано: Авва Феодор Элиот говорил, что некто подвижник заключил себя на масличную гору. С ним весьма враждовал демон блуда. Итак, в один день, когда тот сильно налегал на него, старец начал горевать и говорить демону: Доколе ты не уступишь мне? Удались наконец от меня! Ты состарился вместе со мною. Демон является ему видимым для глаз образом, говоря: Поклянись мне, что ты никому не скажешь того, что я намерен тебе говорить, и впредь не буду воевать с тобою. И старец поклялся ему: Клянусь Обитающим в вышних, никому не скажу того, что ты скажешь мне. Тогда демон говорит ему: Не поклоняйся этой иконе, и впредь не буду воевать с тобою. Икона же эта имела изображение Госпожи нашей Святой Марии-Богородицы, несущей на себе Господа нашего Иисуса Христа, Заметь, кому подражают запрещающие поклоняться иконам и чьи они орудия? Ибо демон блуда предпочел то, чтобы не было воздаваемо поклонение иконе Госпожи, нежели то, чтобы старец впал в нечистоту блуда, так как он знал, что тот грех — большой блуда.

XIV. Но так как речь — об изображении [или иконе] и поклонении, то постараемся определить надлежащим образом и пространное понятие о них, и, во-первых, постараемся сказать о том, что есть изображение? Во-вторых: Зля иконы введены? В-третьих; сколь много видов изображений? В-четвертых: что может быть изображаемо и что нет? В-пятых: кто первый сделал изображение?

XV. Потом [скажем] и о поклонении. Во-вторых: сколь много способов поклонения? В-третьих: сколь много в Писании находим предметов и лиц, которым поклонялись? В-четвертых, о том, что всякое поклонение происходит ради Бога, Который достоин поклонения по Своей Природе, В-пятых, о том, что воздаваемая иконе честь переходит на первообраз.

Во-первых, что есть икона?

XVI, Икона [или изображение], без сомнения, есть подобие, и образец, и оттиск чего-либо, показывающий собою то, что изображается. Но, во всяком случае, изображение не во всех отношениях подобно первообразу [то есть изображаемому лицу или предмету], ибо иное есть изображение и другое — то, что изображается, и, во всяком случае, между ними замечается различие, так как это не есть иное и иное не есть то. Я хочу представить некоторый пример: изображение человека, хотя и выражает форму его тела, однако не заключает в себе душевных его сил, ибо оно не живет, не размышляет, не издает звука, не чувствует, не приводит в движение членов; и сын, будучи естественным образом отца, [однако] имеет нечто различное по сравнению с ним, ибо он — сын, а не отец.

Во-вторых, ради чего существует изображение?

XVII. Всякое изображение делает ясными скрытые вещи и показывает их. Я хочу представить некоторый пример: так как человек, потому что душа его облечена телом, как ограничиваемый местом и временем, не обладает неприкосновенным знанием ни невидимого, ни того, что будет после него, ни того, что отделено местом и находится на далеком расстоянии, то для указания знанию пути и объяснения, и обнаружения скрытого придумано изображение; вообще же — для пользы, и благодеяния, и спасения, чтобы, при помощи делаемых известными и торжественно открываемых [через посредство икон] предметов, мы распознали то, что скрыто, и возлюбили прекрасное и соревновали ему, от противоположного же, то есть зла, отвратились и возненавидели его.

В-третьих, сколь много видов изображений?

XVIII. Виды же икон суть [следующие]: первый образ есть, конечно, естественный. Ибо относительно всякой вещи прежде всего необходимо, чтобы она была согласно с условием и порядком своей природы³), и [только] затем необходимо быть тому, что совершается искусством и подражанием. Например, прежде всего необходимо, чтобы

существовал согласно с условием и порядком своей природы человек, которого бы потом искусство выражало и изображало через подражание. Поэтому первый — естественный и во всем сходный образ невидимого Бога — Сын Отца, являющий в Себе Отца. Ибо Бога не видел никто никогда (Ин 1:18). И опять: Это не то, чтобы кто видел Отца (Ин 6:46). А что Сын — образ Отца, говорит Апостол: Который есть образ Бога невидимого (Кол 1:15). И к евреям: Сей есть сияние славы и ипостаси Его (Евр 1:3), И что Он в Себе Отца, [об этом] говорит Господь: Столько времени Я с вами и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца (Ин 14:9) — [говорит именно] после того, как Филипп сказал в Евангелии от Иоанна: покажи нам Отца, и довольно для нас (Ин 14:8), Сын — естественный образ Отца, совершенно равный, во всех отношениях подобный Отцу, кроме того, что не нерожден и не Отец, Ибо Отец — нерожденный Родитель; Сын же — рожден и не Отец; и Дух Святой — образ Сына. Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (1 Кор 12:3), И так Святого Духа мы узнаем Христа, Сына и в Сыне созерцаем Отца, Ибо по природе — вестник ума; дух же — обнаружитель слова. Подобный же и совершенно равный образ Сына — Святой Дух, в одном только отношении имея различие [с Ним]: в том, что Он исходит. Ибо Сын хотя рожден, но не исходит. И каждого отца естественный образ — сын. И это первый род изображения: естественный.

XIX. Второй род изображения: находящееся в Боге представление о том, что от Него имеет быть, то есть предвечный Его совет, всегда остающийся неизменным. Ибо Божество — неизменно и безначален Его совет, вследствие чего то, что Им постановлено, происходит в предопределенное Им время так, как Оно предвечно определило. Ибо изображения и образцы того, что имеет от Него быть, суть представление о каждом из этих предметов; и они у святого Дионисия называются предопределениями. Ибо на совете Его то, что Им предопределено, и то, что имело в будущем ненарушимо случиться, было прежде своего бытия наделяемо признаками и образами.

XX. Третий род изображения есть происшедший от Бога через подражание, то есть человек. Ибо тот, кто сотворен, не может быть одной и той же природы с Несозданным, но [есть образ] через подражание [и подобие]. Ибо как Отец, Который есть Ум, и Сын, Который есть Слово, и Святой Дух суть Один Бог, так и ум, и слово, и дух суть один человек. Подобие проявляется также и в том, что человек одарен свободною волею и владеет способностью управлять. Ибо Бог говорит: Сотворим человека по образу Нашему и по подобию; и тотчас присоединил: И да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными. И опять: И владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и обладайте землею [Бт 1:26, 28], и господствуйте ею.

XXI. Четвертый род изображения — тот, когда Писание создает образы, и виды, и очертания невидимых и бестелесных предметов, изображаемых телесно для слабого [по крайней мере] понимания как Бога, так и Ангелов, вследствие того, что мы не в состоянии созерцать бестелесных предметов без соответствующих нам красок [или фигур], — как говорит весьма сведущий в божественной области Дионисий Ареопагит. Ведь, что естественно предложены образы тому, что лишено образов, и формы тому, что не имеет форм, как причину можно было бы указать только одну уместную в

отношении к нам аналогию; что мы не в состоянии подниматься до созерцания духовных предметов без [какого-либо] посредства и для того, чтобы возвыситься, имеем нужду в том, что родственно [нам] и сродно. Поэтому если божественное Слово, предусматривая нашу способность к восприятию, отовсюду доставляя нам то, что способно вознести [ум], облакает некоторыми образами как предметы простые, так и не имеющие образов, то почему не изображать того, что по своей собственной природе владеет образами и чего хотя мы и желаем страстно, но что, вследствие своего отсутствия, видимо быть не может? Действительно, и Григорий Богослов говорит, что ум, сильно стараясь выйти за пределы телесного, всюду оказывается бессильным. Но и невидимое Божие, вечная сила Его и Божество, от создания мира рассматривание творений видимы (Рим 1:20), В тварях же мы образы, прикровенно показывающие нам божественные отражения, так что когда говорим о Святой Троице, высшей всякого начала, то изображаем себе посредством солнца и света и луча; или — бьющего ключом источника и вытекающей влаги и течения; или — ума и слова и находящегося в нас дыхания; или — ствола розы и цветка и благовония.

XXII. Пятым родом изображения называется тот, который предызображает и начертывает будущее, как купина и сшедшая на руно роса — Деву и Богородицу, и также — жезл и стамна. И как змий — Того, Кто через крест уничтожил [силу] укушения виновника всех зол змия; и как море — воду крещения, и облако — дух его же.

XXIII. Шестой род изображения — образ, установленный для воспоминания о прошедшем: или чуде, или добродетели, для славы и чести, и [так сказать] надписи на столбе [имен] тех, которые заявили себя благородством действий и блистали добродетелью; или — порок, для торжества над порочнейшими людьми и посрамления их, для пользы тех, кто впоследствии рассматривает [это], чтобы нам [таким образом] избегать пороков и соучаствовать добродетелям. Это же изображение — двойко: как через вписываемое в книги слово, ибо письмо выражает слово посредством образа, — подобно тому как Бог начертал на скрижалях закон и повелел, чтобы была записана жизнь; боголюбезных мужей; так и через чувственное созерцание, подобно тому как Он повелел, чтоб, в вечное воспоминание, были положены в кивот Завета стамна и жезл; и подобно тому как Он же повелел, чтоб на камнях нарамника⁴) были вырезаны имена колен, а также и то, чтоб были взяты из Иордана двенадцать камней, которые изображали бы жрецов (о таинство, как поистине оно весьма велико для верных!), поднимавших кивот Завета, и оскудение воды [в Иордане]. Таким образом, и теперь мы с большою любовью начертываем изображения бывших прежде добродетельных мужей для нашего соревнования, и воспоминания, и удивления. Поэтому или отмени всякое изображение и издай закон вопреки Повелевшему, чтобы это было, или принимай всякое изображение, сообразно с приличествующим каждому смыслом и характером.

В-четвертых: что изображаемо и что не может быть? и как всякий в отдельности предмет изображается?

XXIV. Тела, как имеющие формы, и телесное очертание, и цвет, конечно, естественно выражаются посредством образов. Ангел же, и душа, и демон, хотя им и чужда телесность и величина, однако изображаются и начертываются соответственно своей природе. Ибо, будучи духовными, они, как относительно их верят, пребывают и действуют духовным образом в духовных местах, И так, хотя они и изображаются телесно, подобно тому как Моисей изобразил Херувимов и подобно тому как они являлись достойным людям, однако [изображаются] так, что телесный образ показывает некоторое зрелище бестелесное и постигаемое только умом. Божественная же природа — одна только она неопишима, и совершенно лишена вида, и не имеет формы, и непостижима. Хотя божественное Писание и облакает Бога формами, как кажется, телесными, так что могут быть видимы и фигуры, однако сами по себе формы бестелесны. Ибо пророки и те, кому они открывались, — ведь видимы были они не всем, — созерцали их не телесными глазами, но духовными. Просто же сказать — мы можем делать изображения всех фигур, которые видим; но те представляем мысленно, смотря по тому, как они показывались. Ибо мы иногда представляем себе фигуры [вещей] при посредстве размышлений, однако и к этому их пониманию приходим на основании того, что видели; так [бывает] и в каждом в отдельности чувстве: на основании того, что мы обоняли, или вкусили, или осязали, при посредстве размышлений приходим к представлению и этого.

XXV. Итак, мы знаем, что невозможно увидеть глазами природу как Бога, так души, так и демона, но что они созерцаются посредством некоторого приспособления, когда божественный промысл облакает образами и формами то, что бестелесно, и лишено образов, и не имеет телесной фигуры, для руководства нами и для [доставления нам по крайней мере] поверхностного и частичного знания их, чтобы мы не находились в совершенном неведении Бога и бестелесных созданий. Ибо Бог, конечно, по природе совершенно бестелесен. Ангел же, и душа, и демон, по сравнению с Богом, Который, [впрочем], один только — выше сравнения, суть тела. По сравнению же с материальными телами они — бестелесны. И так Бог, не желая, чтобы мы совершенно не знали того, что бестелесно, облек его формами, и фигурами, и образами, применительно к нашей природе; фигурами, [говоря], телесными, созерцаемыми при помощи невещественного зрения ума. И этому мы даем формы, и это изображаем; ибо [иначе] каким образом могли быть представлены и изображены Херувимы? А [ведь] в Писании упоминаются формы и изображения также и Бога⁵).

В-пятых, кто первый сделал изображение?

XXVI. Сам Бог — первый родил Единородного Сына и Слово Свое, живое Свое изображение, естественное, во всем сходный образ Своей вечности; и сотворил человека по образу Своему и по подобию. И Адам увидел Бога и услышал звук от ног Его, ходящего в раю во время прохлады дня (Быт 3:8), и скрылся в раю. И Иаков увидел, боровшись с Богом, Ясно же, что Бог явился ему как человек, и Моисей увидел как бы сзади человека; также и Исаяя увидел как бы человека, сидящего на престоле. Увидел и Даниил подобие человека и как бы Сына человеческого, дошедшего до Ветхого днями (Дан 7:13). И никто не увидел естества Бога, но [только] образ и подобие Того, Кто намеревался в будущем явиться. Ибо Сын и невидимое Слово Божие

намеревалось поистине стать человеком, для того чтобы соединиться с нашим естеством и быть видимым на земле, И так все, увидев образ и подобие будущего, поклонились, подобно тому как Апостол Павел говорит в послании к евреям: Все сии умерли в вере, не получив обетования, а только издали видели оные и радовались (Евр 11:13). Итак, ужели я не стану делать изображения Того, Кто ради меня явился с плотским естеством? И ужели не стану поклоняться и почитать Его посредством чествования и поклонения, которые воздаю его изображению? Авраам увидел, [но] не естество Божие — ибо Бога не никто никогда (Ин 1:18), — а образ Бога, и, пав, поклонился. Иисус, сын Навина, увидел, — [но] не Ангела, а ибо природа Ангела не созерцается телесными глазами; и, павши, поклонился, Подобным образом [поступил] и Даниил, Ангел же не Бог, но творение и раб Божий и помощник; [почему] тот поклонился ему не как Богу, но как помощнику и служителю. Ужели и я не стану делать изображения друзей Христа? И ужели не стану поклоняться, не как богам, но как изображениям друзей Бога? Ибо ни Иисус, ни Даниил явившимся Ангелам не поклонились — как богам; и я не поклоняюсь изображению — как Богу, но через изображение Христа, и Святой Богородицы, и святых воздаю поклонение и честь Богу, ради Которого почитаю и уважаю и друзей Его. Бог не вступил в единение с естеством Ангелов, но соединился с природою людей. Не сделался Бог Ангелом, но сделался Бог по природе и действительно человеком: Ибо не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово (Евр 2:16). Не естество Ангелов сделалось Сыном Божиим по ипостаси, но Сыном Божиим по ипостаси сделалась природа человека. Ангелы стали участниками и сделались общниками не естества божественного, но — действия и благодати; из людей же те бывают участниками и делаются общниками божественного естества, которые принимают святое тело Христово и пьют Его кровь. Ибо [то и другая] соединены с Божеством по ипостаси; и два естества в принимаемом нами теле Христовом соединены в ипостаси неразрывно; и мы бываем участниками в двух естествах: в теле — телесным образом, в Божестве — духовным образом, лучше же в обоих — в том и другом смыслах. Но по ипостаси мы — одно и то же [что и Спаситель], ибо сначала существуем ипостасно и потом [только] вступаем [с Ним] в единение; но по соединению с телом и кровью. И как не больше Ангелов люди, в чистоте сохраняющие единение через соблюдение заповедей? Естество наше малым чем ниже по сравнению с Ангелами: [именно] потому что оно — смертно и потому что обладает тяжестью тела; но, по благоволению Бога и соединению [с Ним], оно сделалось славнее Ангелов. Ибо Ангелы со страхом и трепетом предстоят ему, во Христе восседающему на престоле славы, и будут в страхе предстоять на суде. Ангелы не названы в Писании восседающими вместе [с Ним] и общниками божественной славы. Ибо все они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр 1:14). И не сказано, что они вместе [с Ним] будут царствовать и вместе будут прославлены и что они будут сидеть за трапезой Отца, Святые же люди — чада Божии, сыны царствия, и наследницы Богу, и сонаследницы Христу. Поэтому почитаю святых и прославляю рабов, и друзей, и сонаследников Христа; рабов [конечно] по природе и друзей — по произволению, также и чад и наследников по божественной благодати, как говорит Господь Своему Отцу.

Итак, сказавши об изображении, желаем сказать и о поклонении, и во-первых — о том: что есть поклонение?

О поклонении. Что есть поклонение?

XXVII. Итак, поклонение есть знак покорности, то есть смирения и скромности; родов же поклонения — весьма много.

Сколько много родов поклонения?

XXVIII. Первый род поклонения — поклонение служебное, воздаваемое нами Богу, Который один только по Своей достоин поклонения. В свою очередь, и этот род [поклонения проявляется] различным образом. Во-первых, в виде поклонения [или повиновения] рабского. Ибо все твари поклоняются Ему как рабы — Господину; ибо говорит [Писание]: Ибо все служит Тебе (Пс 119:91); и одни поклоняются добровольно, другие же против воли; одни, те, которые благочестивы, поклоняются, конечно, потому, что знают [Бога], другие же, хотя и знают [Бога], однако поклоняются неохотно, против воли, как демоны; иные, не зная Того, Кто — Бог по природе, против воли поклоняются Тому, Которого не знают.

XXIX. Второй род — тот, который мы оказываем из-за удивления и сильной любви; этим образом поклоняемся Богу по причине естественной Его славы. Ибо один только Он — прославлен [и прославляется], не от кого-либо имея славу, но будучи Сам Виновником всякой славы и всякого блага, как непостижимый свет, несравнимая сладость, неизъяснимая красота, бездна благодати, не-исследимая мудрость, беспредельно могущественная сила, как один только Такой, Который Сам по Себе достоин встречать Себе удивление, и поклонение, и прославление, и любовь.

XXX. Третий род — тот, когда благодарим за бывшие в отношении к нам благодеяния. Ибо за все, что есть, должно благодарить Бога и оказывать вечное поклонение, как потому, что все имеет от Него свое бытие, так и потому, что все Им стоит (Кол 1:17), и что Он всем, даже без их прошения, подает в изобилии из Своих даров; и что хочет, чтобы все люди спаслись и были причастниками Его благодати; и что Он — долготерпелив к нам, согрешающим, и Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф 5:45); и что Сын Божий ради нас сделался Таким, каковы мы, и сделал нас причастниками Божеского естества через уподобление ему, как говорит Иоанн Богослов в соборном послании.

XXXI. Четвертый род — тот, который мы употребляем при недостатках [в благах] и в надежде [на получение] благодеяний, соответственно чему, зная, что без Него мы не можем ничего делать или иметь какое-либо благо, поклоняемся, каждый прося от Него то, в чем — как он чувствует — терпит недостаток и чего сильно желает, чтоб и избавиться от бедствий, и достигнуть благ.

XXXII. Пятый род — тот, когда мы раскаиваемся и исповедуем [свои грехи], Ибо, согрешая, поклоняемся и падаем пред Богом, прося, как благоразумным рабам [и прилично], о прощении ошибок. И этот род есть троякий: кто-либо печалится из-за любви, или из боязни, что не получит Божиих благодеяний, или — страшась наказаний. И первый род бывает вследствие благо-мыслия, и сильной любви человека к Богу, и сыновнего к Нему расположения; второй — признак образа мыслей наемника; третий же — рабского,

Сколько много находим в Писании предметов, которым воздается поклонение, и сколь многими способами воздаем тварям поклонение?

XXXIII. Во-первых, [воздается поклонение] тем, на ком почил Бог, Который один только — свят и во святых почивает, как-то: во Святой Богородице и всех святых людях. Это же суть те, которые по возможности уподобились Богу как вследствие своего собственного так и Божия пребывания и содействия, — те, которые поистине называются богами, не по природе, но по благодати, подобно тому как раскаленное в огне железо называют огнем не по природе, но по положению и по участию в огне. Ибо говорит [Писание]: Святы будьте, ибо свят Я, Господь, Бог ваш (Лев 19: 2). Это прежде всего зависит от произволения. Потом всякому, кто предпочтительно избирает благое, Бог помогает в деле достижения [самого] блага. Затем [говорит Бог]: И буду ходить среди вас (Лев 26: 12); и [еще читаем в Писании]: Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас (1 Кор 3: 16). Потом: Дал [Иисус Христос] им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь (Мф 10: 1). И: Дела, которые творю Я, и он [верующий в Иисуса Христа] сотворит, и больше сих сотворит (Ин 14: 12). Затем: Живу Я, говорит Господь Бог. Я прослаблю прославляющих Меня (1 Цар 2: 30). И: Если с ним пострадаем, с ним и прославимся. И: Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд (Пс 82: 1). Посему, подобно тому как они поистине суть боги (б) не по природе, но как причастники Того, Кто Бог по природе, так и достойны поклонения они не по природе, но как имеющие в себе самих Того, Кто по природе достоин поклонения; совершенно так, как и накаленное в огне железо не по природе недоступно для прикосновения и жгуче, но как причастное тому, что жгуче по природе. Итак, они служат предметами поклонения как прославленные Богом, как сделавшиеся, при содействии Бога, страшными для врагов и благодетелями для приходящих [к ним] с верою не как к богам и благодетелям по природе, но как к слугам и служителям Бога и как таким, которые, вследствие своей любви к Нему, получили счастливый удел: дерзновение [или свободный к Богу доступ]. Итак, поклоняемся им, так как [в этом случае] угождаем [самому] царю, видящему, что возлюбленный Им слуга служит предметом поклонения не как царь, но как послушный служитель и доброжелательный друг. И приходящие с верою получают согласно своим прошением — все равно, [сам] ли слуга выпрашивает это от царя, или царь принимает честь и уважение со стороны того, кто [чего-либо] домогается от его слуги; ибо тот прочил во имя его; так и те, которые приступали [к Иисусу], получали исцеление через Апостолов. Таким образом, тень, и головотяжи, и убрусы Апостолов источали исцеления. Те же, которые мятежным образом и изменнически желают, чтобы им поклонялись как богам, недостойны поклонения и заслуживают вечного огня. И те, которые высокомерным и гордым духом не поклоняются слугам Божиим, осуждаются как надменные и кичливые, нечестиво поступающие в отношении к Богу, И свидетелями служат дети, презрительно поносившие Елисея и сделавшиеся пищею для медведей7).

XXXIV. Второй род [поклонения] — тот, когда поклоняемся творениям, через которые и в которых Бог совершил наше спасение, частью прежде пришествия Господа, частью после содеянного Им во плоти домостроительства; как, [например]: Синайской горе, также Назарету, находящимся в Вифлееме яслям и вертепу, святой Голгофе, древу креста, гвоздям, губке, трости, священному и спасительному копыю, одеянию, хитону, покрывалам, пеленам, святому гробу — источнику нашего воскресения, камню гроба, святой горе Сиону, с другой стороны, горе масличной, овечьей купели и блаженному саду Гефсиманскому; этому и подобному воздаю почитание и поклоняюсь, и всякому святому Божию храму, и всякому [месту], на котором произносится имя Бога. Не из-за природы их поклоняюсь, но потому, что они суть вместилища божественной деятельности, и потому, что через них и в них соблаговолил Бог совершить наше спасение. Ибо и Ангелам, и людям, и всякому веществу, причастному божественной деятельности и послужившему моему спасению, из-за этой божественной деятельности воздаю почитание и поклоняюсь. Не поклоняюсь иудеям; ибо они не причастны божественной деятельности и Господа славы — Бога моего распяли на кресте не с целью доставить мне спасение, но скорее — волнуемые завистью и ненавистью к Богу и Благодетелю. Господи! возлюбил я обитель дома Твоего, говорит Давид, и место жилища славы Твоей (Пс 26: 8). И: Поклонимся подножию ног Его (Пс 132: 7). И: Поклоняйтесь на святой горе Его (Пс 99: 9). Одушевленная святая гора Божия — Святая Богородица; одаренные разумом горы Божий — Апостолы. Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы (Пс 114: 4).

XXXV. Третий род — тот, когда поклоняемся тому, что посвящено Богу; я разумею святые Евангелия и остальные книги. Ибо описано в наставление нам, достигшим последних веков (1 Кор 10: 11). [Разумею также] и диски, и потиры, кадила, светильники и трапезы. Ибо ясно, что все эти предметы — достойны почитания. В самом деле, смотри, как Бог ниспроверг царство Валтасара, когда он распорядился, чтобы толпа [гостей] пила вино из священных сосудов).

XXXVI. Четвертый род — тот, когда предметами поклонения служат образы, явившиеся пророкам; ибо только они созерцали Бога в образном видении; также — образы будущего, как жезл Ааронов, образно выражавший таинство Девы, и стамна, и трапеза. А также и Иаков поклонился на верх жезла [его], так как он был образом Спасителя. Изображения же прошедшего существуют для воспоминания: и сама скиния была образом всего мира, ибо [Бог] говорит Моисею: смотри образ, показанный тебе на горе. Также [о прошедшем напоминали] и золотые Херувимы — литое из металла произведение, и Херувимы, находившиеся на завесе искусной работы. Так и мы поклоняемся драгоценному образу креста, и подобию телесного образа Бога моего и Той, Которая плотски Его родила, и изображениям всех Его [слуг].

XXXVII. Пятый род — тот, когда, и смиряясь друг пред другом, и исполняя закон любви, воздаем поклонение — одни другим, как владеющим жребием Божиим и происшедшим по образу Божию.

XXXVIII. Шестой род — [поклонение] находящимся на государственных должностях и облеченным властью. Ибо говорит [Писание]: отдавайте всякому должное: кому... честь, честь (Рим 13: 7), подобно тому как Иаков поклонился и Исаву, как старшему брату, и Фараону — избранному Богом начальнику.

XXXIX. Седьмой род — тот, когда господам [поклоняются] рабы и [воздается поклонение] благодетелям и тем, в ком могли бы нуждаться просители, как Авраам — сынам Еммора, когда купил двойную пещеру.

XL. И просто сказать: поклонение — признак страха, и сильной любви, и чести, и покорности, и смирения; но никому не должно поклоняться как Богу, кроме одного только Того, Кто — Бог по природе; всем же следует воздавать долг Господа ради.

XLI. Видите, сколь великая крепость и какая божественная сила дается тем, кто с верою и чистою совестью приступает к иконам святых! Поэтому, братья, станем на скале веры и на Предании Церкви, не удаляя со своего места предел, который положили святые Отцы наши, не давая места Тем, которые желают вводить новое и разрушать здание святой соборной и апостольской Церкви Божией. Ибо если будет дана свобода всякому желающему, то мало-помалу будет погублено все тело Церкви. Нет, братья, нет, христолюбивые чада Церкви, не бесчестите матери нашей! Не совлекайте украшения ее! Примите ее, которая через меня ведет [с вами] переговоры! Уразумейте, что о ней говорит Бог: Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе (Песн 4: 7). Да поклонимся и да послужим одному только Создателю и Творцу, как Богу, Который по природе достоин поклонения! Да поклонимся и Святой Богородице, не как Богу, но как Матери Бога по плоти! Да поклонимся еще и святым, как избранным друзьям Божиим и имеющим к Нему дерзновение! Ибо если часто преходящим, и нечестивым, и грешным царям и избираемым ими начальникам, а также и изображениям тех люди поклоняются, по божественному изречению Апостола: Повинуйтесь начальствующим и владеющим; и: Отдавайте всякому должное: кому... страх, страх; кому честь, честь (Рим 13: 7); и: Отдавайте кесарево кесарю (Мф 22: 21), как говорит Господь, и Божие Богу; то насколько более должно было бы поклоняться Царю царствующих, как Такому, Который один только по природе неограниченно господствует, и рабам Его, и друзьям, царствовавшим над своими страстями и поставленным начальниками всей земли: ибо поставил я, говорит Давид, князей по всей земле; получившим власть против демонов и болезней и имеющим вместе со Христом царствовать в царстве нетленном и неразрушимом, одна только тень которых прогоняла болезни и демонов? Итак, да не будем думать, что изображение — бессильнее и менее ценно, чем тень! Ведь оно истинно оттеняет первообраз. Братья! Христианин оценивается по степени его веры. Поэтому приходящий с верою получит обильную пользу; сомневающийся же подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой (Иак 1: 6), он не получит ничего, Ибо все святые благоугодили Богу посредством веры. Итак, да примем Предание Церкви правым сердцем и без многих размышлений! Ибо Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы (Екк 7: 29), Да не одобрим изучения новой веры, так как [в этом случае] подвергается нареканию предание святых Отцов!

Ибо божественный Апостол говорит: Еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема (Гал 1: 9), Итак, мы поклоняемся иконам, воздавая поклонение не веществу, но посредством их тем, кто на них изображается. Ибо, как говорит божественный Василий, воздаваемая иконе честь переходит на первообраз.

XLII. Вас же, священнейшее стадо Христово, названный по имени Христа народ, свят, тело Церкви, да преисполнит Христос радостью о Его воскресении и да удостоит идущих по следам святых пастырей и учителей Церкви того, чтобы они, подвигаясь вперед, достигали славы Его во светлостях святых! Да будет то, чтоб и мы, по благодати Его, ее достигли, вечно прославляя Его вместе с безначальным Отцом, Которому слава во веки веков. Аминь.

Свидетельства древних и славных святых Отцов об иконах.

I. Святого Дионисия Ареопагита, из послания к Титу.

...Итак, должно и нам, вместо народного о них [т.е. священных символах] мнения, благопристойно проникнуть внутрь 9) [т.е. в самую сущность] священных знаков и не унижать их – ведущих свое начало от божественных форм и являющихся отображениями их, также и видимыми изображениями тайных и сверхъестественных зрелищ...

Толкование. Заметим, как он говорил, что не должно унижать изображений того, что достойно уважения.

II. Его же, из книги о божественных именах.

...Научены и мы этому 10): между тем, как теперь, сообразно с нашею способностью понимания [божественных] изречений и иерархических преданий, Человеколюбие, посредством священных покровов, посредством воспринимаемого чувством скрывает постигаемое только умом, и посредством того, что существует, скрывает то, что превосходит [всякую] сущность, и то, что лишено вида и образа, облакает видами и образами, и ту простоту, которая – сверхъестественна и не имеет формы, как наполняет разнообразием делимых знаков, так и изображает 11)...

Толкование. Если Человеколюбию свойственно, сообразным с нами способом, облекать видами и образами лишенное образа и вида и простое, и не имеющее формы, то почему не изображать нам, соответствующим нам способом того, что сделалось [для нас] видимым чрез посредство форм и фигур – как для воспоминания, так и для приистекающего из воспоминания движения к соревнованию?

III. Его же, из книги о церковной иерархии 12).

... Но, конечно, высшая нас сущности и чины, священное воспоминание о которых я уже сделал, безтелесны, и имеющая в отношении к ним место иерархия как духовна, так и премирна. Иерархия же, имеющая место в отношении к нам, - мы видим, - изобилует, соразмерно с нашею собственною способностью понимания, разнообразием чувственных знаков, которыми мы иерархически возводимся к единообразному соединению с Богом в соответствующей нам мере, и к Богу, и божественной добродетели. Первые [т.е. высшие нас чины и сущности], как умы, насколько им позволено, понимают, мы же при посредстве чувственных изображений, насколько возможно, возводимся к божественным созерцаниям...

Толкование. Поэтому, если, соразмерно с нашею способностью понимания, мы возводимся к божественному и невещественному созерцанию при посредстве чувственных изображений, и божественный промысл человеколюбиво облекает образами и формами то, что лишено форм и образов, для того, чтобы мы велись [ими], как бы рукою, то почему неприлично изображать, соразмерно с нашею собственною способностью понимания, Того, Кто ради нас человеколюбиво подчинился внешнему виду и образу?

До нас дошло издавна переданное повествование о том, как Авгарь, - разумею Эдесского царя, воспламененный тем, что он слышал о Господе, до божественной любви, отправил послов, просивших [Господа] посетить его. Если же Он отказался бы сделать это, то Авгарь приказал, чтоб живописец срисовал Его изображение. Узнавши это, Тот, Кто все знает и все может, взял кусок холста и, приблизивши [к нему] Своё лицо, в это время напечатлел Свой собственный образ, что сохраняется и доныне.

IV. Святаго Василия, из того слова о блаженном мученике Варлааме, начало которого: Прежде, конечно, смерть святых...

...Возстаньте теперь у меня, славные живописцы отменных подвижнических деяний и умаленное изображение вождя сделайте великим при помощи вашего искусства. Победителя, очень неясно нарисованного мною, осветите красками вашей мудрости. Да отступлю – побежденный вами в деле рисования подвига мученика! Да радуюсь,

уступая сегодня таковой победе, одержанною вашей силою! Да увижу борца яснее, нарисованного на вашей картине! Да восплачут демоны [уже] и теперь, поражаемые изображенными вами подвигами мученика! Да будет снова им показываема горящая и побеждающая рука! Да будет начертываем на доске и Подвигоположник в состязаниях – Христос, Которому слава во веки веков. Аминь!

V. Его же, из тридцати глав к Амфилохию о Святом Духе;

Из главы XVIII-ой.

... Потому, что царем называется и изображение царя, [хотя это] и не два царя. Ибо не власть не отсекается, и слава не разделяется. Ибо как правящее нами начальство и власть – одна, так и идущее с нашей стороны славословие – одно, а не многия, потому что честь, воздаваемая изображению, переходит на первообраз. И так, чем здесь подражательно является изображение, этим там по природе является Сын; и как в том, что сделано художественно, подобие состоит в [самой] форме, так и в божественной и несложной природе единение заключается в общности Божества.

Толкование. Если изображение царя есть царь, то и изображение Христа – Христос, также и изображение святого – святой. И власть не отсекается, и слава не разделяется, но слава, воздаваемая изображению, становится принадлежащей тому, кто изображается. Демоны трепещут святых и бегут от их тени; изображение же и есть тень, и я делаю его, как изгнателя демонов. Если же ты говоришь, что соединиться с Богом должно только мысленно, то устрани все телесное, лампы, благовонный фимиам, самую молитву, произносимую голосом, самые божественные таинства, совершаемые при посредничестве вещества, хлеб, вино, елей помазания, крестное знамение. Ибо все это – вещество, [как и] крест, губа, имеющая место при распятии на кресте, также трость и копие, проколовшее живоносное ребро. Или устрани почитание всего этого, что невозможно, или не отвергай совсем и чести, принадлежащей изображениям. Божественная благодать сообщается состоящим из вещества предметам, так как они носят имена тех, кто [на них] изображается. Подобно тому, как дающая багряницу улитка сама по себе есть нечто незначительное, также и шелк и приготовленная из той и другого одежда; а если в нее облечется царь, то честь, присущая облеченному, уделяется и одеянию; так и состоящие из вещества предметы сами по себе недостойны поклонения, а если изображаемый [на них] исполнен благодати, то, по мере веры, и они делаются участниками благодати [т.е. изливают ее]. Апостолы видели Господа телесными глазами и другие – Апостолов, также и иные – мучеников. Сильно желаю и я видеть этих как душею, так и телом, и иметь защищающее от зла лекарство, так как я создан с двоякою природою; и, видя то, что доступно зрению, поклоняюсь не как Богу, но как достойному почтения образу того, что – драгоценно. Ты, конечно, быть может, и высок, и невеществен, и – выше тела, и как безплотный, оказываешь презрение ко всему видимому; но я, так как есмь человек и облечен телом, сильно желаю и телесно быть в обществе с тем, что свято и видеть это. О, высокий, окажи снисхождение низменной моей мысли, чтобы тебе [самому] сохранить свою высоту 13)! Господь хвалит мою

любовь к Нему, прославляет также и Своих друзей. Ибо Господь радуется, когда преданный Ему раб прославляется, [как] говорил Великий Василий, прославляя сорок мучеников. Но смотри, что он также говорит, хваля 14) славного Гордия.

VI. Св. Василия, из слова на [день] мученика Гордия.

При одном только воспоминании о тех отменных деяниях, какие совершены праведными, народы радуются духовною радостью и, слушая, побуждаются к соревнованию и подражанию тем добродетелям. Ибо история тех мужей, которые жили хорошо, доставляет спасающимся какбы некоторый свет на жизненном пути. И опять: И так, всякий раз как мы повествуем о жизни тех, которые блистали благочестием, сначала прославляем Господа чрез Его рабов, а [затем] хвалим праведных, свидетельствуя о том, что мы знаем, [наконец] же, возбуждаем радость в народах тем, что они слушают о прекрасных предметах.

Толкование. Смотри, как воспоминание о святых показывает славу Божию, воспевает хвалебную песнь святым и производит радость и спасение народов. И так, почему ты устранишь его? А что воспоминание происходит через посредство слова и изображений, говорит тот же самый божественный Василий.

VII. Того же святого, на [день] мученика Гордия.

... Ибо как за огнем сам собой следует свет и за миром – благовоние, так и за добрыми делами с необходимостью следует польза. Однако, не малое дело и это: тщательно найти истину того, что тогда было [совершено]. Ибо до нас дошло некоторое слабое воспоминание, сохраняющее доблестные деяния этого мужа во время состязаний, и почти кажется, что наше положение похоже на то, что случается с живописцами; потому что, как те, после того как с пишут с изображений изображения, чаще всего, как и естественно, остаются позади первообразов, так и нам, удаленным от самага созерцания дел, угрожает не незначительная опасность умалить истину.

VIII. Под конец того же самого слова:

... Ибо, как всегда видя солнце, мы всегда удивляемся, так и воспоминание о том муже у нас всегда – свежо...

Толкование. Ясно, что [свеже оно у нас потому, что] мы постоянно созерцаем [того мужа] как чрез посредство речи, так и – изображений.

IX. И в слове на [день] весьма почитаемых сорока мучеников он говорит это:

Тот, кто любит мучеников, как мог бы пресытиться воспоминанием о них? Потому что честь, воздаваемая тем из сорабов, которые превосходны, доказывает любовь к общему Господину. И опять: Искренно ублажи того, кто вкусил мученичество, чтобы и ты своею волею сделался мучеником и выступил удостоенным тех же самых похвал, каких и они, хотя бы тебя ни преследовали, ни жгли, ни бичевали.

Толкование. И так, почему ты удерживаешь меня от чествования святых и не хочешь мне спасения? А что по его мнению, образ, нарисованный красками, родственен начертанному словом, послушай, что он говорит после небольшого промежутка.

X. Св. Василия:

... И так, сюда! Своим воспоминанием выведя их на средину, как бы на картине – показав всем подвиги этих мужей, принесем присутствующим общую от них пользу.

Толкование. Видишь, что дело изображения и слова – одно [и тоже]? Ибо, говорит он, как бы на картине, покажем словом! Непосредственно следующая часть слова опять [содержит вот что]: ибо и о мужественных военных деяниях повествуют часто как прозаики, так и живописцы: одни – украшая словом, другие же – начертывая на досках; и те, и другие возбудили многих к мужественному образу действий. Ибо что предлагаешь слуху слово рассказа, это молчащая живопись чрез подражание показывает [глазам].

Толкование. Что - яснее этого для доказательства того, что изображения для неграмотных служат книгами и немолчными вестниками принадлежащей святым чести, не издающим звука голосом поучая взирающих и освящая зрение. Для меня недостаточно книг, я не имею досуга для чтения, я вхожу в общую врачебницу душ – Церковь, задушаемый помыслами, как бы колючими растениями. Цвет живописи влечет меня к созерцанию и, как луч, услаждая зрение, незаметно вливает в душу славу Божию. Я созерцаю терпение мученика, воздаяния венцов, и, как бы огнем, воспламеняюсь желанием к соревнованию ему, падая, поклоняюсь чрез мученика Богу и получаю спасение. Разве ты не слышал, что тот же самый богоносный Отец в речи на начало псалмов говорит: Святой Дух, зная, что руководить человеческим родом в деле

добродетели – трудно и что он нерадив, присоединил к псалмопению мелодию 15)? Что ты говоришь? Я не буду рисовать, как словом, так и красками мученичества мучеников? И не буду обнимать глазами того, чему удивляются и Ангелы, и вся тварь, и что, как сказал сам светильник Церкви, составляет предмет мучений для диавола и – страшно для демонов 16)? Подобное же он говорит под конец слова, прославляя сорок мучеников: О, святой сонм! О, святое собрание! О несокрушимый, сомкнутый строй! О, всеобщие стражи человеческого рода, славные соучастники забот, помощники в молитвах, могущественные старцы, звезды вселенной, цветы Церквей, цветы, - говорю, - как духовные, так и чувственные! Не земля скрыла вас, но небо приняло в себя. Врата рая вам открыты. Достойное зрелище для воинства Ангелов, достойное для патриархов, пророков, праведных!

Толкование. Как мне не пожелать увидеть то, что увидеть желают Ангелы? Согласно же с этими словами говорит и брат его, и единомысленный с ним Григорий, епископ Нисский.

XI. Св. Григория, епископа Ниссаго, из дополнения 17) [к шестодневу св. Василия], т.е., [из книги] о создании человека. Глава IV.

Как люди, приготовляющие изображения властелинов, согласно с человеческим обыкновением, и напечатлевают черты наружного вида их, и облачают в багряницу, чтобы с тем вместе обозначить царское их достоинство, и как [произведение такого рода] называется и изображением, и царем, так и человеческая природа, потому что она была приготовляема для начальствования над остальными предметами, создана наподобие некоторого одушевленного образа, участвующего со своим Первообразом и в достоинстве и в имени.

XII. Егоже, из пятой главы тойже самой книги.

Божественная красота проявляется не в каком либо наружном виде и не в прелести внешнего образа, обусловливаемый каким либо изяществом красок, но усматривается в неизреченном блаженстве сообразно с добродетелью. Однакож, человеческия формы живописи почти переносят на картины при посредстве некоторых красок, накладывая на копию соответственные и приличные краски, чтобы красота первообраза была точно перенесена на подобие.

Толкование. Замечай, что божественная красота не блещет каким либо наружным видом, обусловливаемым каким либо изяществом красок, и поэтому не изображается. Человеческий же образ посредством красок переносится на картины. Если Сын Божий явился с видом человека, зрак раба прием, в подобии человечеством быв, и образом

обретется якоже человек 18), то как, поэтому, не изображать Его? И если, согласно с обыкновением, изображение царя называется царем, и оказываемая изображению честь переходит на первообраз, как говорит божественный Василий, то почему изображение не будет предметом почитания и поклонения? Не как Бог, но как образ Бога – воплотившагося.

XIII. Егоже, из слова, сказанного в Константинополе о Божестве Сына и Св. Духа и об Аврааме.

... После этого отец сперва обеими руками схватывает [связанного] узами сына. Я часто видел на картине изображение этого горестного дела и не проходил мимо этого зрелища без слез, так как искусство ясно выводит пред очи эту историю. Исаак лежит у самого жертвенника, с согнутым коленом и с обращенными [т.е. связанными] назад руками. А тот [т.е., отец] сзади наступивши сыну 19) на сгибе у колена, привлекиши к себе левою рукою его волосы, нагибается к жалобно смотрящему на него лицу и, вооруженный ножом в правой руке, устремляется к закланию. И острие ножа уже касается тела, и тогда ему слышится голос от Бога, отклоняющий это деяние.

XIV. Св. Иоанна Златоуста, из толкования на послание к Евреям.

... И прежде существовало некоторое изображение явившагося после: Мелхиседек [т.е. предъизображал] Христа подобно тому как еслибы кто либо назвал тенью картины, нарисованной красками 20), предшествовавшее ей неясное ея изображение живописцем. Ибо поэтому закон называется тенью и благодать – истиною, делами же – то, что имеет быть; так что закон и Мелхиседек суть тень, предшествовавшая изображенной красками картине 21); благодать же и истина – картина, нарисованная красками 22); а дела – то, что имеет быть в будущем веке; так что Ветхий Завет есть образ образа и Новый – образ дел.

XVa. Леонтия, епископа города Неаполя на острове Кипре, из слова против Иудеев о поклонении кресту Христову и изображениям святых, и себе – взаимно; также и об останках святых.

Если ты, Иудей, опять упрекаешь меня, говоря, что я поклоняюсь древу креста, как Богу, то почему ты не обвиняешь Иакова, поклонившагося на верх жезла 23)? Но вполне ясно, что он поклонился , не дерево почитая, но чрез дерево поклонился Иосифу, как и мы чрез крест прославляем Христа, а не дерево 24).

Толкование. И так, если мы поклоняемся знаку креста из какого то ни было вещества, то почему нам не поклоняться изображению Распятого?

XVб. И опять из книги тогоже Леонтия:

... Так как и Авраам поклонился нечестивым людям, продавшим ему могилу, и согнул колено на землю, но поклонился им не как богам; и опять, Иаков благословил нечестиваго и идолопоклонника – Фараона 25), но благословил его не как Бога; и опять, павши, поклонился Исаву, но поклонился не как Богу; и опять, как поклоняться заповедует нам Бог? И земле, и горам? Ибо говорит: вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь в горе святей его. И поклоняйтесь подножию ногу его, яко свято есть 26), т.е. земле. Ибо небо, говорит Он, престол мой, земля же подножие ног моих, глаголет Господь 27). Как же Моисей поклонился Иофору, который был идолопоклонник, и Даниил - Навуходносору? Почему обвиняешь меня за то, что я почитаю тех, кто почтил Бога и поклонился Ему? Не подобает ли, скажи мне, поклоняться святым и не побивать камнями как [то делаешь] ты? Не подобает ли поклоняться, а не распиливать 28) их и не ввергать своих благодетелей в ров, наполненный грязью 29). Если ты возлюбил Бога, то во всяком случае должен был бы почитать и рабов Его. И если кости праведников – нечисты, то почему со всякими почестями были перенесены из Египта кости Иакова и Иосифа 30)? Каким образом, мертвый человек, прикоснувшись к костям Елисея, тотчас воскрес 31)? Если же Бог творит чудеса посредством костей, то вполне очевидно, что Он может – и чрез изображения, и – камни, и – многое другое, как и случилось с Елисеем, который дал своему отроку собственный свой жезл и сказал, чтобы он, отправившись, при посредстве жезла - воскресил сына Сунамитянки 32). И Моисей посредством жезла наказал Фараона и разделил море, и усладил воду, и разорвал скалу, и вывел воду 33). И Соломон говорит: благословенно древо иже бывает спасение 34). Елисей, бросивши в Иордан кусок дерева, вывел наверх воды железо 35). Также [читаем и о] древе жизни 36) и растении Савек 37), т.е. растении милости. И Моисей вознес на древо змия и дал жизнь народу 38). Посредством прозябшаго в скинии дерева [жезла Аарона] он утвердил [за Аароном] священство 39). Но, быть может, ты, Иудей, скажешь мне что Бог повелел Моисею, чтобы все то, что находится в скинии, было [там]. И я тебе говорю, что Соломон сделал в храм много разнообразных предметов, разныя украшения и изваянныя 40), сделал, которыя ему Бог не повелевал, да и скиния свидения этими предметами не владела, не имел их и храм, показанный Богом Иезекиилю 41); и Соломон, между тем, не был обвинен. Ибо устроил таковыя изображения во славу Божию, совершенно – как и мы. И ты имел много различных изображений и знаков для воспоминания о Боге, прежде чем лишился их вследствие своего неразумия; т.е. жезл Моисеев, Богом начертанныя скрижали, огнеросную купину 42), сухую скалу - источавшую воду, ковчег Завета, заключавший в себе манну, алтарь – вместилище божественнаго огня, дощечку с [вырезанным на ней] именем Божиим, показанный Богом 43) ефуд, осеняемую Богом скинию. Если же и ты, с своей стороны, осенял это ночь и днем, говоря: слава Тебе, Который – один только Бог Вседержитель, Который чрез посредство всего этого творил чудеса в Израиле, если же и ты, припадая, поклонялся Богу чрез посредство всех тех законных установлений, какия ты некогда имел, то видишь, что чрез изображения воздается поклонения Богу.

XVв. И после небольшого промежутка тот же Леонтий говорит:

... Ибо, если тот, кто неподдельно любит друга или царя и в особенности своего благодетеля, хотя бы увидел сына его или жезл, или трон, или венец, или дом, или раба, обнимает и целует и [таким образом] воздаст честь благодетелю-царю, то гораздо более [таким же способом должно почитать] Бога. О, если бы, опять говорю, и ты сделал изображение Моисея и пророков и ежедневно поклонялся их Господу Богу! И так, когда увидишь, что сыны христиан поклоняются кресту, то знай, что они воздают поклонение распятому Христу, а не дереву. Ибо, еслибы они почитали природу дерева, то, во всяком случае, должны были бы всячески поклоняться, и рощам, и деревьям, как именно некогда и поклонялся им ты, Израиль, говоря дереву и камню: ты – мой Бог и ты мя родил еси 44). Мы же не говорим так кресту, не говори и изображениям святых. Ибо не боги наши, а книги, открытыя для того, чтобы мы вспоминали о Боге и воздавали Ему честь, книги, на глазах всех находящиеся в церквах и служащие предметами поклонения. Ибо почитающий мученика чтит Бога, о Котором мученик засвидетельствовал [своею кровию]. Поклоняющийся Апостолу Христову поклоняется Пославшему его. И припадающий к изображению Матери Христовой, очевидно, воздаст честь Сыну Ея. Ибо нет никакого Бога, кроме одного, Который в Троице познается и почитается.

Толкование. Это ли – верный истолкователь слов блаженного Епифания, украсивший остров Кипр [также и] своими речами, или те, которые высказывают чувствования своего сердца? Послушай же также и епископа Гавальскаго-Севериана, что он говорит.

XVI Епископа Гавальскаго-Севериана, из слова, сказанного в праздник обновления креста 45).

Каким образом принесло жизнь нашим предкам изображение того, кто предан проклятию? И после небольшого промежутка: И так, каким образом принесло спасение удручаемому несчастием народу изображение того, кто предан проклятию? Разве не надежнее было бы сказать: если кто из вас будет укушен, да посмотрит на небо, вверх к Богу, и будет спасен, или – на скинию Божию? Но, не обратив внимания на это, он устроил только изображение креста. И так, почему делал это Моисей, который сказал народу: не сотвори себе резного и изваянного изображения, и всякаго подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею 46)? Но зачем я говорю об этом к неблагодарному? Скажи, о сернейший слуга Божий! Ты делаешь то, что запрещаешь? Что уничтожаешь, то устраиваешь? Говорящий: не сотвори резного изображения сокрушивший слитого из металла тельца, ты делаешь из меди змия? И это – не тайно, но открыто и [так, что] всем можно узнать? Но то, говорит он, я предписал законом для того, чтобы искоренить вещества нечестия и отклонить народ от всякаго отступничества и идолослужения. Теперь же лью из металла змия с пользой [для других] – для предъизображения истины. И подобно тому, как я устроил скинию и все –

в ней находящееся, и херувимов – подобие невидимаго, распростер над святым, как образ и тень будущего; так и змия я воздвиг народу для спасения его, чтобы при посредстве опытности в такого рода [знаках] он был наперед приучен к изображению знака креста и [к принятию] на нем Спасителя и Искупителя. И что слово это – правдивейшее, возлюбленный, послушай Господа, Который подтверждает его и говорит: якоже и Моисей вознесе змию в пустыне, так подобает вознестися Сыну человеческому. Да всяк веруяй в он не погибнет, но имать живот вечный 47).

Толкование. Пойми, что он предписал законом не делать всякаго подобия ради отклонения, говорил он, народа от идолослужения, - народа, легко увлекающагося и склонного к этому; и – что вознесенный змий был образом страдания Господа.

А что [почитание] икон не-новое изобретение, но древнее и известное святым и превосходным Отцам и для них обычное, - послушай! В житии блаженнаго Василия, составленного егоже учеником Елладием и преемником его на египетской кафедре, написано, что этот святой стоял пред 48) иконой Госпожи [нашей – иконой], на которой был нарисован и образ славнаго мученика Меркурия. Стоял же он пред нею, прося об умервщлении безбожнейшаго и отступившаго от веры тиранна – Юлиана. Со стороны этой иконы он был посвящен в такое откровение: именно он видел, что этот мученик на короткое время исчез из вида, а спустя немного времени – держа окровавленное копье.

XVII. Из жизнеописания Иоанна Златоуста, [где] буквально написано так:

... Блаженный Иоанн очень возлюбил 49) послания мудрейшаго Павла. И после небольшого промежутка: Имел же он и изображение тогоже самаго Апостола на иконе [в том месте], где он по причине слабости тела отдыхал на короткое время. Ибо он по природе расположен был много бодрствовать. И когда он прочитывал его послания, то, не сводя глаз, смотрел на изображение, и с таким вниманием взирал на него, как еслибы Апостол был живой, - прославляя его и, представляя себе, к нему направляя все свое размышление, и чрез созерцание [изображения] беседовал с ним. И после другого промежутка: ... Когда Прокл перестал говорить, то, пристально посмотревши на изображение этого Апостола и увидев фигуру, подобную той, которую он видел раньше, сказал, наклонением своего тела отдавши приветствие 50) Иоанну и своим пальцем показывая на изображение: прости мне, отец! Тот, кого я видел говорившим с тобою, подобен этому, и даже, как думаю, этот самый он и есть.

XVIII. В житии святой Евпраксии написано, что тою, которая была начальницей над стадом, было показано изображение Господа.

XVIII. В житии святой Марии Египетской написано, что она помолилась пред иконою Госпожи и испросила себе ея в поручительство, и что, таким образом, она получила доступ в храм.

XX. Из [книги] святого Отца нашего Софрония, архиепископа Иерусалимского, [называемой] Луг 51).

Авва Феодор-Элиот говорил, что на масличной горе пребывал заключенным некоторый славный подвижник. С ним вел войну демон блуда. И так, в один день, когда тот сильно налегал на него, старец начал горевать и сказал 51a) демону: доколе ты не уступишь мне 51b)? Удались, наконец, от меня! Ты состарелся вместе со мною. Демон является ему видимым для глаз образом, говоря: поклянись мне, что ты никому не скажешь 52) того, что я намерен тебе говорить, и впредь не буду воевать с тобою. И старец поклялся ему: клянусь обитающим в вышних, никому не скажу того, что ты скажешь мне. Тогда демон говорит ему: не поклонись этой иконе, и впредь не буду воевать с тобою. Икона же эта имела изображение Госпожи нашей святой Марии-Богородицы, несущей на себе Господа нашего Иисуса Христа. Заключенный говорит демону: позволь, я обдумаю это. И так, он на другой день извещает Авву Феодора-Елиота, жившаго тогда в монастыре Фарон, и [когда] этот пришел, он рассказывает все случившееся с ним. Старец же этот говорит заключенному: Авва, ты действительно оказался жертвой издевательства, так как дал клятву демону. Однако-ж ты хорошо сделал, рассказавши [об этом мне]. Лучше же тебе не оставить в этом городе [ниодного] непотребного дома 53), в который бы ты не вошел, нежели – чтобы ты отказался от поклонения Господу и Богу нашему Иисусу Христу вместе с собственною Его Материю. И так, укрепивши его и вселив в него очень многими речами силу, он возвратился в собственное свое место. Демон действительно опять является заключенному и говорит ему: что – это, о, дурной старик? Не поклялся ли ты мне, что никому не скажешь? И почему рассказал все приходившему к тебе? Говорю тебе, о, негодный старик: ты имеешь быть осужденным в день суда, как клятвопреступник. Заключенный отвечал ему, говоря: чем я поклялся – поклялся; и чем ложно поклялся, знаю; тебя же не слушаю.

Толкование. Видишь, что о поклонении изображению он сказал – как о поклонении изображаемому? И сколь велико – зло непоклонение изображению? И как демон предпочел его [т.е. непоклонение] блуду?

И так 54), когда с самага древняго времени были дарованы христианам многие священники и цари, блиставшие и мудростию, и богопочитанием, и словом, и жизнью и были [созываемы] весьма многие соборы святых и боговдохновенных Отцов, то почему никто не предпринял делать этого? Не потерпим – учиться новой вере! От Сиона бо изыдет закон, говорили пророчески святой Дух, и слово Господне из Иерусалима 55). Не потерпим того, чтоб в иное время мы думали другое, и чтобы изменялись под влиянием обстоятельств, и чтоб вера делалась для внешних [т.е. нехристиан] предметом смеха и шутки! Не стерпим подчинения царскому приказанию, пытающемуся уничтожить обычай, ведущий начало от Отцов! Ибо несвойственно благочестивым

царям уничтожать церковные постановления. Это – не отеческие дела. Ибо дела, совершаемые посредством насилия, а не – убеждения, суть разбойнические. Свидетелем служит собор, созванный во второй раз в Ефесе, до сих пор сохранивший полученное им название разбойничьяго 56), так как он потерпел насилие от царской руки, когда был умерщвлен блаженный Флавиан. Это [т.е. какие либо постановления о подобных предметах] – дело соборов, не царей, как сказал Господь. Ижеже два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их 57). Не царям Христос дал власть связывать и разрешать, но Апостолам 58) и их преемникам, и пастырям, и учителям. И аще Ангел, говорит Апостол Павел, благовестит вам паче, еже приясте... 59). Щадя, так как ожидаем их обращения, умолчим о том, что следует дальше. Если же – чего да не даст Господь! – увидим безповоротное развращение, тогда присоединим и то, что остается [т.е. слова: анафема да будет]. Но мы желаем, чтобы этого не случилось.

Если кто либо, войдя в дом, в котором живописец нарисовал красками историю Моисея и Фараона, потом, быть может, спросит о прошедших по морю, как по суше: кто эти суть? То что ты скажешь на вопрос? Не сыны ли Израиля? Кто – ударяющий жезлом по морю? Не Моисей–ли? Таким образом, если кто либо изобразит распинаемого Христа и будет спрошен о том: Кто – это? То он скажет: Христос Бог, воплотившийся ради нас. Да, Господи, поклоняемся всему, что – Твое, и пламенеющею любовью обнимаем Твое божество, могущество, благость, милосердие к нам, снисхождение, воплощение; и подобное тому как боимся коснуться раскаленного железа, не вследствие природы железа, но по причине вступившаго с ним в соединение огня, так поклоняюсь и плоти Твоей, не ради природы плоти, но ради вступившаго в ипостасное соединение с нею Божества. Поклоняемся Твоим страданиям. Кто видел смерть, которой бы поклонялись? Кто видел страдания, которых бы были бы почитаемы? Однако, мы, действительно, поклоняемся плотской смерти Бога моего и спасительным страданиям. Поклоняемся Твоему изображению. Всему, что – Твое, поклоняемся: слугам, друзьям и, преимущественно пред этими, Матери-Богородице.

Упрашиваем же и народ Божий, язык свят, крепко держаться церковных преданий. Ибо и в малой мере отъятие того, что предано [древностью], как бы камней из строения, очень скоро ниспровергает и все здание. Да будет, чтобы мы пребывали крепкими, стойкими, непоколебимыми, утвержденными на крепкой скале, которая есть Христос! Ему подобает слава и честь, и поклонение, вместе со Отцом и Духом, теперь и всегда, в бесконечные века веков. Аминь.

1) Здесь Дамаскин как бы лукавит, говоря, что пытаюсь создать себе видимого бога, народ стал делать его наугад. В действительности почитание идола в виде быка было распространено на Ближнем Востоке от Вавилонии до Египта. В самом Египте иудеи

могли видеть поклонение черному быку Апису в Мемфисе или белому быку Мневису в Гелиополе.

2) В согласии с античной традицией, признается двусоставность человека (душа и тело вместо трехсоставности у гностиков: тело, душа, дух). Развивая это положение в средневековом духе, Иоанн Дамаскин говорит, что и вещь двусоставна: в ней есть реальное, что соответствует телу, и есть символическое, что соответствует душе.

3) В русле платоновской традиции Иоанн Дамаскин отделил сущность вещи от ее существования. Вещь лишь тогда существует должным образом, когда согласна не только со своей сущностью, но и с порядком в иерархии сущностей.

4) Нарамники скрепляли на плечах эфод - верхнюю одежду первосвященника.

5) Так называемый антропоморфизм, когда о Боге говорится как об имеющем руки, ноги, ступни, способность видеть, слышать, говорить, желать. Вопрос, как относятся такие признаки к Безначальному, Вездесущему и Всемогущему, вставал остро в иудаизме и исламе, и то, как на него отвечали, становится основанием для разделения богословских школ.

6) Богами здесь названы святые подвижники Церкви, как участники в благодати Господа Бога.

7) Имеется в виду пророк Елисей, сподвижник пророка Илии в период царствования Иорама (4 Цар 2:23-24)

8) Пророк Даниил предсказал падение Вавилонского царства, расшифровав священную надпись. Причиной гибели стала Божья кара за осквернение священных сосудов, вывезенных Валтасаром из Иерусалимского храма (Дан 5:2, 23)

9)... (см. у Lequ.).

10)... (см. у Lequ., как видим и у самого св. Дионисия Ареопагита в соотв. месте).

11) Это – отрывок из первой главы названного в тексте творения св. Дионисия Ареопагита. Св. И. Дамаскин берет только один первый член периода. Второй (см. сочин. Дионисия Ареопагита: *de diuinis nominibus*, cap.1) начинается так: "тогда же, когда станем нетленными и бессмертными ..., постоянно будем с Господом" ... (в соответствии приводимой св. И. Дамаскиным первой половине периода, начинающейся словами: "между тем как теперь"... Ср. текст данного места и латинский перевод его в издании творений св. Дионисия Ареопагита, сделанном Balthasar`ом Corderius`ом (1644г.), с текстом и латинским переводом его в издании Lequien`я. Греческий текст этого места вообще имеет запутанное построение (обратить внимание на знаки препинания и разстановку слов в подлиннике! ...); латинский перевод (особенно напечатанный у Lequien`я) служит прекрасным его разъяснением.

12) Глава I.

13) Св. И. Дамаскин здесь говорит, конечно, иронически.

14) В некоторых изданиях (например Норрегі) прибавлено – "словом".

- 15) Basil. homil. in init. 1 Psal. (см. у Lequ.).
- 16) Basil. in. S. Gordium (см. у Lequ.).
- 17) см. у Lequ.: лат. перевод: ср. и примеч.
- 18) Филипп. II, 7.
- 19)... (ср. латинский перевод у Lequ. И Норрегі)...
- 20)... (см. у Lequien`я в подстроч. замеч.).
- 21) Быт. XLVII, 31. 10...; XXXIII, 3...
- 22) См выше прим 20
- 23) См выше прим 20
- 24) Это более подробно излагается в акт. 4 syn. 7 (см. у Lequ.).
- 25) Быт. XLVII, 10.
- 26) Псал. ХСVIII, 9. 5. – У св. И. Дамаскина буквально читаем: яко свят есть (т.е. Господь Бог) – слав.: яко свято есть.
- 27) Исаия LXVI, 1.
- 28) Как, например, Исаию (по церковному преданию). Ср. Евр. XI, 37.
- 29) Как, например, Иеремию (см. его книгу: XXXVIII, 6 и пр.).
- 30) Быт. L, 13. 25...
- 31) 4 Цар. XIII, 21.
- 32) 4 Цар. IV, 29.
- 33) Исх. VII, VII ..., XIV, XV, XVII.
- 34) Прем. Солом. XIV, 7.
- 35) 4 Цар. VI, 6.
- 36) Быт. II, 9.
- 37) Быфт. XXII, 13 (Ср. прим. у Lequ.).
- 38) Числ. XXI, 9.
- 39) Числ. XVII.
- 40) 3 Цар. VI.

41)Иезек. XL.

42)Исх. III; "куст – горевший и не сгаравший , как-бы облитый какой-то росой" (см. у. Lequ.).

43)Ср.лат.перев.в изд. Норрегі: "Indicatum a Deo" (т.е. Ephod).

44)Иерем. II, 27.

45)... (См. у. Lequ. лат.перев.; ср.примеч. Ср. греч.текст и лат.перевод в издании Норрегі).

46)Исх. XX, 4.

47)Иоан. III, 14-15.

48)"Подрбное, кажется, читается в жизнеописании тогоже Василия, которое носит имя Амфилохия, где, однако, об изображении не сделано никакого упоминания"... См. у. Lequ. (подстр.примеч.).

49)"Это рассказывают – Георгий Александрийский и анонимный (на знаю – какой) автор жизнеописания Златоуста." См. у Lequ. (подстр.прим.).

50)... здесь значит :*"reverantiam exhebere, inclinatio corpore salutare"*. См. у Lequ. (подстр.прим.).

51)"Луг духовный написан Иоанном Мосхом и посвящен им своему ученику Софронию, который после был иерусалимским епископом" ... Выдержка взята св. И.Дамаскиным из 45-й главы "Луга". Ср. Act. 4 e t 5 sept. Syn. - См. у Lequ. (подстр.прим. и сбоку текста).145 а) Praes. Histor.146 b) Ср. 73 прим. к 3-му слову.

52)Здесь, несколько выше, а равно и сейчас же далее, по требованию русского языка и согласно с особенностями греческого синтаксиса, настояция времена в двух-трех случаях переведены будущими.

53)См. изд. Норрегі и лат.перевод Lequ.

54)Отсюда начинается заключение первого слова.

55)Исаии II, 3.

56)Был открыт 8 августа 449г. См. "Истор.христ.церкви" Робертсона; т.1, стр.433.

57)Мф. XVIII, 20

58)Мф. XVIII, 18.

59)Галат. I, 8. 9.